

"Как я мужа искала (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

mir-knigi.org

Колесова Наталья Валенидовна

Как я мужа искала

— Эй-эй-эй! — завопила я. — Подождите!

Выватила из турникета пропуск — тот укоризненно мигал красным (без тебя знаю, что опоздала!) — я галопом пересекла вестибюль и, ворвавшись в лифт, с облегчением выдохнула:

— Спаси-и...

— Не за что, — сказал мне мой шеф, босс, работодатель — словом, человек, которого меньше всего желаешь встретить, когда заявляешься на работу на двадцать пять минут позже положенного.

— Ой, здравствуйте, Глеб Анатольевич, — тихо пробормотала я.

— Здравствуйте-здоровствуйте, — сказал он и нажал кнопку моего — четвертого этажа. Я разглядывала пуговицу его невысказанно элегантно плаща и уныло размышляла над смысловой разницей слов 'опаздывать' и 'задерживаться'. Если последнее — прерогатива начальства, то первое касается исключительно подчиненных. А ведь пришли мы одновременно... Сказать, что трубы потекли? Или, допустим, я ногу подвернула... Ага, и неслась, как лошадь, на каблучках через весь вестибюль...

Лифт открылся; я, так и ничего не сказав (и к лучшему), вышагнула на свой этаж. Началась рабочая неделя, чтоб ее...

— ...Ну кто тебе еще нужен! — раздраженно говорила Таня. — Копаешься, копаешься, гляди, в старых девах останешься!

— Старой-то я, конечно, буду, а вот девой... — Я вытянула мокрые ноги к обогревателю. — Эй, болезный, кофе оставь!

Буров, вздрогнув, пролил воду.

— Ты что, потише не можешь?

— С тобой полдня надо шепотом разговаривать! — огрызнулась я. — А вторые полдня орать, чтобы ты хоть что-нибудь услышал! Кофе дай!

— Полай!

— Ну, началось... — вздохнула Таня. — С добрым утром!

Встав, я прошлепала босыми ногами до стола, набухла в чашку кофе назло Бурову — до горечи. Выпила, глядя в окно, за которым никак не хотело светать. Дождь, дождь... Ну вот, наконец, проснулась, а то поднять — подняли, а разбудить забыли.

— Слушай, — просительно сказал Буров. — Голова раскалывается, сил нет...

— Опохмелиться забыл?

— Я же не алкаш... Ну, Натах, будь человеком! Мне голова ясная нужна, у Глеба сегодня

совещание...

— Вот вчера бы и думал!

Я поставила чашку и, обойдя Сергея со спины, неласково толкнула в затылок. Буров покорно расслабился, Нина Дмитриевна поспешно надела очки, запоминая массажные точки. Галочка рассматривала свои идеальные ногти. Татьяна рылась в косметичке.

— Шею мыл? — придиралась я, Буров побряхтывал.

— Мыл-мыл, все мыл... Работай давай.

— За тобой шоколад!

— За мной, за мной...

— Здравствуйте, Глеб Анатольевич! — радостно воскликнула Галочка.

Я глянула на дверь и уронила руки. В дверях стоял наш шеф и наблюдал за мной не менее внимательно, чем Нина Дмитриевна, которая, кстати, в данный момент погрузилась в глубокомысленное изучение выключенного монитора.

— Здравствуйте, — прохладно сказал Глеб Анатольевич. — Сергей Дмитриевич, зайди ко мне, как освободишься.

Едва за ним закрылась дверь, я изо всей силы саданула Бурова по широкой шее.

— За что?! — взвыл тот, потирая затылок.

— Еще из-за тебя мне неприятностей не хватало!

— Да не бойсь, это он с утра не в духе, помассируешь ему головку...

— Чего? — немедленно спросили мы с Галочкой.

— Фи! — сказал Буров, и я, наконец, пошла за свой стол.

— Запылился мой маленький, запылился мой серенький, — ворковала я, протирая мой агрегат. — Соскучился, малыш...

'Привет'.

— Привет, привет, как дела?

'Отлично'.

— Мне бы так. На улице дождь, вчера кошелек вырезали, когда я на свидание к одному придурку ехала, сегодня на шефа два раза напоролась, понедельник, мать его...

Напоролась и в третий — у Глеба выработалась скверная привычка появляться в самые неподходящие моменты. На этот раз он возник в конце рабочего дня, когда все уже стояли в плащах наготове, ожидая звонка.

— Кто у тебя сегодня? — спрашивала Галочка.

— Какой-то Артем... Сестрица удружила — в понедельник. И так весь день как чумовая...

— Газовый пистолет взяла? — заботливо спросила Нина Дмитриевна.

— Зачем это?

— Ну как же? Видишь мужика в первый раз, мало ли что...

— Ага-ага, он меня бритвой по горлу — и в колодец...

— Не скажите, — раздался голос с небес, то бишь с седьмого этажа, где обитало все начальство. Само начальство собственной персоной стояло в дверях, вслушиваясь в наш треп. — Осторожность не помешает.

— Вот и Глеб Анатольевич говорит! — воодушевилась Нина Дмитриевна, боком проходя мимо посторонившегося шефа. — До свидания, Глеб Анатольевич.

— Бери-бери! — кивнул и Буров. — В крайнем случае дашь рукоятку в челюсть...

— О господи! — я кинулась к своему столу, гремя застревавшими ящиками, — я вам что, на бокс собралась?

— А вдруг он сексуальный маньяк? — мягко предположил Глеб Анатольевич. — Вы знаете, сколько сейчас людей с психическими отклонениями? Газеты читаете?

— Читаю-читаю... — я лихорадочно перерывала ящики — чего здесь только нет, выкину все завтра к черту. — Ну хоть бы раз... да где же он?.. встретить сексуального маньяка... все как-то наоборот получается... да куда же он провалился? Ага, вот он! Все довольны?

Я вскинула голову — кроме шефа уже никого не было. Взглянув на часы, я бросилась опретью — хорошо, Глеб успел посторониться — автобус!

Автобус, конечно, показал мне хвост, ехидно подмигнув на прощание огоньком поворота. До следующего — час. Плакало, похоже, мое свидание... Я сама чуть не разревелась.

Нервно топчась под козырьком, я щелкала зонтиком, не зная, что предпринять. Хотя что тут придумаешь?

— Уехал? — спросили у меня за спиной,

— Еще бы не уехал! — буркнула я.

Глеб стоял в своем немислимом плаще, глядя поверх моей головы в морозящий сумрак.

— Вас подвезти?

— Ну разумеется! — брякнула я, и он одарил меня снисходительной улыбкой, доставая ключи от машины. Какого черта, думала я угрюмо, из-за него я опоздала всюду, куда только можно было опоздать. В конце концов, элементарная порядочность требует... Я все еще беседовала сама с собой на эту тему, когда передо мной остановился шефовский 'мерс'. Бесшумно открылась передняя дверь. Я вздохнула и нырнула в роскошь. Пахло дорогим одеколоном, кожей, машиной. Глеб подождал, пока я пристегнусь, и мягко тронул с места.

Я покосилась назад, на уплывающее здание, скользнула взглядом по резкому профилю шефа —

тот коротко взглянул на меня, протянул руку, под наплывающим светом фонаря блеснул браслет часов ('роллекс?'), включил приемник.

— Вам куда?

Я спохватилась.

— А вам?

И услышала короткий смешок.

— Я же вас подвожу!

— Ну да, но если вам не по пути...

— А вдруг вы мне никогда не простите, если опоздаете на свидание? Так куда?

Я назвала место и притихла, глядя прямо перед собой, хотя разглядеть что-то кроме дождя, фонарей и мрака было невозможно. Не таращиться же мне на него! Тем более, единственное, что лезет в голову, это: 'Классная у вас тачка! Ну не владею я искусством светской беседы! Да и с шефом за весь год работы оказалась наедине впервые (за исключением сегодняшнего лифта) и ничего о нем не знаю, кроме того, что с Буровым они большие друзья. Да и он хорош! Уткнулся в свою дорогу — и ни гу-гу! Музыкой, видите ли, наслаждается! Ну и я буду наслаждаться!

Так мы и наслаждались всю дорогу до города, а потом еще полчаса — до кинотеатра, рядом с которым была назначена встреча. Наклонившись, шеф выглянул из-за меня на неоновую площадь.

— Ваш? — кивнул на стоявшего в одиночестве мужчину под черным зонтом с огромным букетом в руках.

— Наверно, мой...

— Ну, ни пуха ни пера! — сказал шеф, откидываясь на сиденье.

— К черту... — я неловко полезла наружу: каким образом эти дамы в фильмах элегантно выскальзывают из машин на своих длиннющих каблуках? Тут не знаешь, чем выходить вперед — сумкой, ногой или задницей. — В смысле, спасибо, что подвезли!

Он широко улыбнулся — едва ли не ярче ближнего фонаря.

— Не за что!

И действительно, оказалось не за что! Через три минуты, кипя от злости, я неслась вдоль непрерывного потока машин. Ну не заладилось с утра, так не заладилось! Мягкий шелест — рядом тормознула машина:

— Девушка, вас подвезти?

— Да пошел ты!.. — рывкнула я, не оборачиваясь.

— Я же с мирными намерениями, Наташа...

Чуть не споткнувшись, я резко остановилась. Перегнувшись через переднее сиденье, на меня смотрел шеф. Сзади сигналили.

— Что, свидание уже закончилось?

— Да. То есть...

— Садитесь, здесь нельзя останавливаться! Да садитесь же, вы совсем промокли!

С этим уж явно не поспоришь — и я вновь погрузилась в сиденье и в знакомый аромат. Шеф осторожно влился в поток машин и лишь после это поинтересовался — с неуместной, на мой взгляд, веселостью:

— Что, цветы не понравились?

Только сейчас заметив, что все еще сжимаю в руках увесистый букет в намокшем целлофане, я с силой швырнула его на заднее сиденье.

— Да провались они!

— Зря. — Мирно сказал шеф. — Симпатичные гвоздики.

— Представляю, как бы я таскалась с ними весь вечер!

— Из-за этого вы и ушли?

— Это вы во всем виноваты! — буркнула я, еще не остыв.

— Я? Что поздно вас привез?

— Нет. Что вообще привезли.

— Не понял?

— Первым делом он поинтересовался, на ком я приехала. Я сказала — подвезли. — Кто подвез? — Начальник. — И часто он вас подвозит? — я выразительно замолчала. Шеф начал похмыкивать.

— Я подумала — если он с первой минуты устраивает мне такой допрос, то что же будет дальше?

— Ну?

— Ну и послала его...

Шеф усмехнулся, качнув головой. А я, немного успокоившись, опять начала себя терзать: а может, зря? Ну, спросил человек, ну, интересно ему, что такого? Нет, но каким тоном... Словно жену неверную обличал.

— И правильно сделали! — вдруг сказал шеф. — Наши собственнические инстинкты нужно пресекать в корне!

Я глянула с неодобрением. Ситуация его явно забавляла. Продолжение оказалось неожиданным.

— Раз уж я во всем виноват, буду заглаживать свою вину. Если у вас нет больше никаких планов на вечер, может, сходим куда-нибудь?

Я уставилась на него, не веря своим ушам. Коротко глянув на меня, шеф хмыкнул:

— Не пугайтесь так. Я имел в виду кино. Видел афишу — идет один старый фильм, я бы сходил, да один не люблю.

Я созерцала его в благоговейном молчании. Никогда бы не подумала, что такие, как он, могут пригласить женщину в кино! Хотя какая я ему женщина? Подчиненная я ему. А он, похоже, подчиненных по полам не различает. Да и не в ресторан же ему меня вести — в моем-то костюме и осенних туфлях!

— Ну, если вы не любите старые фильмы... — начал он.

— Люблю, — быстро сказала я. Шеф кивнул и в третий раз за вечер развернул машину.

Тыщу лет не была в кино — это вам не в детстве, где мы бегали на утренний сеанс за десять копеек. И не в институте, когда, слиняв с 'пары', смотрели фестивальные фильмы, на которые чуть ли не за неделю покупали билеты. Кинотеатры-гиганты пустовали, выживая за счет баров, ларьков, дискотек...

Шеф доставил нас в маленький обшарпанный зальчик с откидными сиденьями, где сидела пара-тройка укрывшихся от дождя бедолаг. Пресек мою вялую попытку заплатить за себя: 'Компенсация морального ущерба'. Я со стуком опустила сиденье, повесила капавший зонт на обломанную ручку кресла, села, вытянув ноги в промокших туфлях — из картона их делают, что ли? Шеф сел рядом, задев меня коленом, тут же отодвинул ногу, огляделся, ероша влажные волосы. Свет начал гаснуть — я с детства любила смотреть, как медленно, словно остывая, тают матовые светильники...

Едва начались титры, я навалилась на стоявшее впереди сиденье — прошли те времена, когда впереди сидящих просили отодвинуться. Фильм был еще черно-белым, музыкальным, веселым и добрым...

— Ох, хорошо! — сказала я с чувством, оглядываясь. Шеф смотрел на меня так, точно сам придумал и снял этот фильм. Зрители, негромко переговариваясь, тянулись к выходу. Я вновь загрузилась сумками и зонтиком, поплелась вслед за шефом, потирая занемевшую от долгого сидения поясницу. Сразу продрогла до костей: ветер небрежно швырял в лицо моросью, со скрипом раскачивал древний фонарь и выдувал из берегов лужи. Я поспешно нырнула в машину, шевеля пальцами в непросохших туфлях. Шеф поглядел и включил печку.

— Холодно. Вы далеко живете?

— Ну-у... — протянула я, прикидывая, далеко ли по его понятиям кварталов десять отсюда.

— Адрес, адрес, — сказал он нетерпеливо. Взглянув на часы, я поняла, почему: был уже двенадцатый, он потратил на меня целый вечер.

Мы опять молчали, но, по крайней мере, с моей стороны, это было умиротворенным молчанием: ТАК я давно вечера не проводила.

'Мерс' тормознул у подъезда, я кивнула: 'Спасибо', и увидела, что шеф отстегивает свой ремень безопасности. Должно быть, он уловил озадаченность на моем лице, потому что сказал с

расстановкой:

— Провожу вас до квартиры. Не доверяю я этим подъездам.

Я в очередной раз десантировалась из машины, шеф вручил мне забытый букет и первым пошел к подъезду. Я брела следом, в красках представляя, что нас ожидает: кодовый замок вырван, выкрученные лампочки, мусор, запах мочи или еще чего... Шеф наверняка живет в элитном доме с охраной или вообще в каком-нибудь особняке. Он приостановился у дверей, достал и зажег пальчиковый фонарик и перешагнул через порог. Я шла следом, радуясь, что не надо бежать опрометью, вжав голову в плечи — пусть мужчина первым принимает удар. Так, лифт, конечно, уже отключили.

— Четвертый этаж... — извиняюще сказала я. Мы молча зашагали наверх. И когда добрались до двери, я уже вполне созрела для раздумий: должна ли я пригласить его на чашечку кофе? И если да — с какими последствиями? Я вставила ключ в освещенный фонариком замок, и шеф сказал:

— Спокойной ночи, Наташа.

— Спокойной ночи, Глеб Анатольевич, — отозвалась я с облегчением, смешанным с раздражением: мог бы, в конце концов, и что-нибудь предпринять...

Через минуту я с ужасом созерцала себя в зеркало — какое счастье, что он не вошел! От прически — одни воспоминания, тушь водостойкая только когда пытаешься ее смыть, красный от холода нос... Вспомнив неудавшееся свидание, зевнула себе в лицо: обычно я целый вечер анализировала, что же я сделала не так, и ложилась спать с сознанием своей полной никчемности. Сейчас же бодро отправилась в ванну, чувствуя себя славно, хоть и странно. То ли ему и впрямь не с кем было пойти, то ли... Стоп, стоп, стоп! Человек хотел сходить в кино, а тут подвернулась ты, да еще это придурочное свидание... Да и вообще, мужчина, которому нравится женщина, ведет себя не так, мы с ним весь вечер даже не разговаривали, разве что выяснили, что обоим нравятся старые фильмы. И все. И не придумывай больше ничего, Бога ради! Не восемнадцатилетка, пора и мозги иметь! И вообще — спать, спать, спать...

Конечно, я опять опоздала. Влетела в кабинет, на ходу отряхивая мокрый плащ и мотая мокрой головой:

— Привет, я...

— Доброе утро, — сказал Глеб Анатольевич. Он сидел на краю буровского стола и спокойно разглядывал меня ясными серыми глазами: уж он-то не открывал их в последний момент, не умывался наполовину и не скакал галопом, опаздывая безнадежно...

— Извините, — выдавила я, — я... у меня...

— Автобус из-под носа ушел, — сочувственно подсказал шеф.

— Я... да.

— Рад, что вы все-таки добрались до своего рабочего места, — продолжал он так же учтиво. — Похоже, это вам удастся с большим трудом все то время, что вы здесь работаете.

Похоже, меня сейчас будут немножечко увольнять... Сколько раз зарекалась валяться в

постели после звонка будильника! Все смотрели на меня: тетки с испугом, Буров — с интересом, начальник — выжидающе. Я молча стояла в луже воды, сжимая в руках сломанный зонтик. Видно, шеф вполне удовлетворился моим жалким видом. Бросив на ходу:

— Сергей Дмитрич, разберись, — он подчеркнуто тщательно обошел меня и скрылся за дверью.

— Как скажешь, Глеб Анатольевич! — отозвался Буров и показал мне кулак. Я вяло отмахнулась, проходя за свой стол.

— Н-да... — сказала Нина Дмитриевна.

— Ой, ну как же ты так! — причитала Таня. Я усиленно выдвигала и задвигала ящики стола, сдерживая слезы. С понедельника начнешь...

В этот день я вкалывала, не поднимая головы, пока Буров не поднес часы к моему лицу и не постучал по ним пальцем.

— Не хочу, — мрачно сказала я.

— Да ладно, пошли поедим, — Галочка присела на угол стола. — Чего себя голодом морить! Лучше скажи, как твое свидание?

— Да никак, — мрачно сказала я. — Приехала, а он...

И прикусила язык. Одно за другим — и вытянется, что мы целый вечер провели вместе с шефом. Скорее, конечно, вместе с фильмом, но наши тетки сделают далеко идущие выводы и разнесут это по всей конторе... А не был ли этот утренний разнос своего рода упреждением — дружба дружбой, а служба... и вообще, забудь о том глупом вечере и не представляй себе черте че... А я и не представляла.

Почти.

— Ну и что? — спросила Галочка.

— Ну и уехала.

— Не пришел? — ахнула Таня. — Вот скотина!

— Ну уж сразу — скотина! — вступилась Нина Дмитриевна. — Может, у человека что случилось...

— Ну да, понос, — скептически сказала Галочка. — Не горюй, лучше тебе найдем.

— Благодарю, — буркнула я. — Мне, похоже, уже нужен перерыв.

— Перервись на меня, — готовно предложил Буров.

— П-фу... Иди, а? После тебя меня уже ничем не откачаешь.

Буров был гением и пьяницей. Или пьяным гением. С утра он обычно болел с похмелья, в обед где-то принимал и, распространяя вокруг благоуханные пары, начинал творить. Он кидал идеи и сочинял программы, которые потом мы, серые, доводили до ума и продажной кондиции. Если бы Буров не пил, он бы давно родил свою собственную фирму по программному обеспечению и, наверняка, возглавлял бы ее где-нибудь за рубежом нашей великой и могучей... А так — сидел

в нашем провинциальном городе, тихо спиваясь, и не терял работу только благодаря своему таланту и Глебу. Шеф, вообще не терпящий на работе никакой выпивки, относился снисходительно к вечно полупьяной буровской физиономии, а однажды даже сам изволил доставлять евонное бездыханное тело домой — правда, с тех пор мы своего начальника отдела в таком состоянии не видели. Говорят, были они по жизни большими друзьями и даже воевали где-то вместе — на Кавказе, что ли...

Правду сказать, сначала стойку на Бурова я сделала — да и кто бы не сделал? Красавец мужик, разведенный, умница и не зануда. Но быстро поняла, что на роль жертвы — спасительницы не гожусь, да и в то, что можно переделать взрослого человека против его желания уже не верю. А Буров желал быть пьяным и жить так, как он жил, и Бог ему в помощь...

Обедать меня все-таки уволокли. Когда в обычном обожранном состоянии я вернулась из столовой, притомившийся в ожидании компьютер выдал неожиданный глюк. Некоторое время я тупо созерцала упакованный ящик, явившийся мне на экране, попыталась выйти и после третьей неудачи завопила:

— Ты, гений, чего это ты тут мне нагородил?

— Я? — удивился Буров очень натурально. Я подозрительно поглядела на его недоуменную физиономию.

— Ух ты! — восхитился Буров, наваливаясь мне на плечо. — Экие тут тебе шкатулочки подкидывают! А если вот так? Нет... А если мы так?

Пальцы Бурова летали по клавиатуре, компьютер невинно попискивал и подмигивал, в левое ухо мне уже дышала Таня.

— Добрый день, — сказали сзади. Таня немедленно вспорхнула с моего плеча, что дало большой оперативный простор Бурову: он чуть ли не улегся мне на спину, то и дело норовя въехать в глаз локтем.

— Что-то не получается? — поинтересовался шеф.

— Нет, у меня... — полузадушено начала я.

— Кто-то подкинул нашей девочке задачку! — объяснил Буров. Глаза его азартно светились. — Вот мы голову и ломаем!

Шеф наклонился, я испугалась, что и он уляжется на мое плечо. Некоторое время молча созерцал экран. Сказал через паузу:

— Н-да... любопытно. Кому это подкинули?

— Наталье.

— А ты тогда здесь при чем?

Буров, наконец, оторвался от экрана и поглядел на него.

— Ну классная задачка! И почерк незнакомый.

— Пакет по 'Метснабу' готов? — отсутствующе спросил шеф. Буров фыркнул и неохотно слез с моего плеча.

— Сейчас покажу...

Глеб стоял рядом, постукивая пальцами по столу. Я осторожно потянула носом: интересно, у него новый одеколон или я его только сейчас заметила?

— Глеб Анатолич, — позвал Буров. — Так будешь смотреть или нет?

— Сейчас, — шеф чего-то сделал, и ребус, наконец, убрался с экрана. Мельком взглянул на меня. — Советую разгадывать загадки не в рабочее время.

— Да я вообще не собираюсь ничего разгадывать, — проворчала я.

— Конечно-конечно... Вам же некогда — на работе у вас на уме только работа, а вечером...

— О, черт! — я подпрыгнула с досады. — Я же должна была позвонить! Теперь он решит, что мне не понравился!

— А он вам понравился? — поинтересовался шеф.

— Это такой беленький? — спросила Галочка.

— Это у которого 'тойота'? — уточнила Нина Дмитриевна. Сергей выглянул из-за компьютера.

— А ты сама-то в них не путаешься?

— Не путаюсь. Нет, у него 'ниссан'. И вовсе он не беленький. Скорее... — я машинально взглянула на шефа, — темно-русый.

— Ну ничего, надо, сам дозвонится, — утешала Нина Дмитриевна.

— Ну да, а вдруг у него комплексы? Или самолюбие?

С каждой секундой я расстраивалась все больше — вскоре Борис, не произведший на меня особого впечатления, уже представлялся чуть ли не мужчиной моей мечты...

— Ну и зачем тебе мужик с комплексами? — спросил Буров. — Мы тебе без комплексов найдем.

— А вы бы позвонили женщине, если б она вам не позвонила? — заинтересовалась Галочка, положив точеный подбородок на скрещенные руки.

Буров подмигнул.

— Зависит от женщины! Вот тебе — непременно бы!

— Ну-ну, — сказала я. — А насчет меня еще бы подумал?

— Ну-у-у... — сказал Буров.

— Спасибо, родной, — сказала я.

Галочка устремила свои ясные глазки на шефа.

— А вы, Глеб Анатольевич?

— Что? — переспросил он, поворачиваясь к ней. Похоже, пытался выиграть время.

— Вы бы позвонили, если б она не позвонила, как обещала? — бесхитростно допрашивала Галочка. Глеб уставился на нее в затруднении.

— Как сказал Сергей, все зависит от женщины.

— Нет, а вот конкретно Наталье?

Я бы лягнула ее, будь она в пределах досягаемости, а так только могла сверлить ее свирепым взглядом.

Глеб Анатольевич скользнул взглядом над моей головой.

— Смотря что она обещала...

— И вам спасибо, — пробормотала я.

— А что надо пообещать, чтобы вы позвонили? — поинтересовалась Галочка. Планы на будущее строит? С третьим мужем еще и года не живет, а туда же... Я поглядела на сотрудников — они все глазели на Глеба в ожидании ответа. Складывалось впечатление, что наш отдел в полном составе решил соблазнить собственного шефа. Даже Буров.

Глеб Анатольевич посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся. От глаз побежали симпатичные морщинки.

— Все выясняется опытным путем...

Прозвучало это... как-то поощряюще. Слово он предлагал мне попробовать.

— Ну ладно, — сказал Буров, вставая и потягиваясь. — Вы тут проводите опыты, а у нас рабочий день закончен, господин начальник.

— Ох, и правда! — спохватилась Нина Дмитриевна, поспешно увешиваясь сумками.

Галочка рассчитано медленно поднялась, разглаживая и без того натянутую на бедрах юбку, потянулась через стол, доставая мини-сумочку. Улыбнулась:

— До свидания, Глеб Анатольевич.

— До завтра.

Суматошно побросав все нужное и ненужное в сумку, я бросилась вслед за ними, чтобы не остаться с шефом один на один в лифте. И тут же споткнулась за порог — хорошо, Глеб подхватил под локоть.

— Осторожно, Наташа...

— Спасибо... — пробормотала я, вылетая в дверь. И конечно, не успела. В гробовом молчании мы дождались лифта. В мертвящем съехали вниз. О, черт, парализует он меня, что ли?

На остановке переминалась группа безлошадных. Сергей при виде нас начал грузно усаживаться в свой 'форд'. У меня сложилось впечатление, что он специально задержался — посмотреть, когда мы выйдем.

— Пока! — бодро крикнул он в ответ на мою гнусную гримасу.

Я приостановилась, пережидая склонившегося у дверцы шефа.

— Вас подвезти? — мельком спросил он.

Подумал, я специально остановилась...

— Нет, — поспешно сказала я.

Он кивнул, нисколько не огорчившись.

— Тогда до свидания.

— До свидания.

Я сходу накинулась на Галку.

— Ты что, совсем?

— А что? — удивилась она.

— Хочешь что узнать про Глеба, узнавай сама, нечего меня подставлять! Еще подумает, что я тебя науськиваю!

— Да ну! — махнула рукой Галочка. — Не клюнет он на тебя, не бойся!

Ах ты... Не успела я и рта раскрыть, как подошел автобус, и мы вперегонки бросились занимать места. Мне, конечно, не хватило. Я со вздохом приклеилась к стойке в хвосте автобуса, уставившись в грязное заднее стекло. Могла бы, между прочим, ехать в 'мерседесе' на мягком сиденье и поплевывать на общественный транспорт. Мозгов, понимаете, у меня всегда было маловато...

Купив пиццу, я добралась до дому в преотвратном настроении. Сбросила мокрые туфли и, поджимая озябшие пальцы, доплелась до кухни. Отсутствующе глядя в окно, разогрела пиццу, съела половину, запивая чаем. А ведь она права — не клюнет. Ни он, ни другой мало-мальски стоящий мужик. Нет во мне этого... Галочка вон при виде мужика включается, как лампочка, и на этот манящий свет летят все мотыльки-мужчины — только выбирай... А я все суетюсь, суетюсь... Плюнуть, что ли, на все, да завести собаку, как Лариска? Живет — не тужит...

Рухнула на диван, машинально включая телевизор и нашаривая валявшуюся на полу книжку. Дамская серия. Что смешно — понимаешь, что в жизни такого не бывает, а читаешь взахлеб. Может, потому и взахлеб? Женские сказки... Я уже увлеклась описанием любовной сцены между графом и невинной, но страстной крестьяночкой, как зазвонил телефон. Щелкнул автоответчик и сказал весело:

— Привет, если ты дома. Я тут недалеко, дай, думаю, зайду...

Андрей. Знакомы мы года два, но встречаемся раз в несколько месяцев. Такой роман у нас — вялотекущий. Как шизофрения. Никаких претензий, никаких обязательств, полная свобода — и скукота... Я поглядела на часы — еще не поздно — и потянулась за трубкой.

— Заходи уж... граф.

Часа через два я, зевая, стояла у дверей. Андрей натягивал ботинки. Я сонно разглядывала его затылок — лысеешь, парень, а все по бабам... Ладно, хоть вина догадался принести вместо своего любимого пива...

— Ну что... — сказал он, выпрямляясь. Зазвонил телефон.

— Сейчас, — бросила я. — Погоди.

— Наташа, — сказала трубка и замолчала.

— А? — я попыталась сообразить, чей это такой знакомый голос.

— Это Пахомов, — сказал он и снова замолчал, давая мне переварить информацию.

Я судорожно перехватила трубку. Конечно, по телефону с шефом мы еще не разговаривали...

— Да, Глеб Анатольевич. Что случилось?

— Ничего. Просто я сегодня копался в машине и нашел вашу записную книжку...

Я мысленно застонала: там такие записи....

— Я подумал, может, она вам нужна, — так же неторопливо продолжал он, — а так как мне все равно надо было заехать по соседству... Вам занести?

— Так вы здесь?

— Внизу. Звоню из машины.

Я открыла и закрыла рот. Не услышав ответа, шеф продолжил:

— Если это неудобно, возьмете завтра. Просто там все телефоны, и я подумал, они вам могут понадобиться....

Вот черт! Он все-таки ее просматривал! Тогда чем раньше заберу, тем будет лучше.

— Хорошо, — сказала я обречено. — Подымайтесь. Только подождите минутку. Я оденусь.

Бросив трубку, я суматошно кинулась убирать постель, открывать форточку, надевать халат попримичнее. Хорошо, хоть душ успела принять... Только увидев, как Андрей с любопытством заглядывает в комнату, спохватилась:

— Ох, блин, совсем забыла!

— Ну я пошел? — спросил он, не двигаясь с места.

— Да-да, иди!

— Я завтра позвоню, — сказал он, зная, что не позвонит.

— Да-да, позвони, — согласилась я, зная, что не позвонит.

— Это кто к тебе сейчас?

— Ты не знаешь. По делу.

— Ну-ну, — сказал он, глядя на меня во все глаза. — Мы у тебя что, по конвейеру?

— Слушай, иди, а? Пока!

— Пока. Занимайся своими... делами.

Он чмокнул меня в щеку, открыл дверь — и столкнулся нос к носу с шефом. Тот, опешив, не сразу посторонился. Андрей кивнул ему, бросив оценивающий взгляд, и, видно, что-то там углядев, обернулся ко мне с нежным:

— До встречи, малыш!

— Пока-пока. Заходите, Глеб Анатольевич.

Он снова помедлил, прежде чем переступить порог.

— Я не хотел вам помешать.

— Вы и не помешали. — Шеф наверняка решил, что после его звонка я спешно выставила мужика за дверь. — Он все равно уже уходил.

— Вот ваша книжка.

— Спасибо, — я сунула злополучную книжку под мышку.

— Неудобно получилось, — сказал он, глядя поверх моей головы. — Вы говорили, у вас свободный вечер.

— Да я и не ждала никого, — под его спокойным взглядом я вдруг почувствовала себя чуть ли не последней шлюхой.

— Что ж, до завтра, — он взялся за ручку двери, и я неожиданно выпалила:

— Хотите кофе?

Он помедлил, но все же обернулся.

— Если еще не слишком поздно...

Помнится, я сегодня собиралась лечь спать пораньше.

— Не слишком. Вот сюда плащ. Проходите на кухню, я сейчас...

Я бросилась в комнату, глубоко вздохнула. Ну нет, сюда я его не поведу. Здесь пахло сексом. Мельком глянула в зеркало и ужаснулась: волосы дыбом, щеки горят... Поправила волосы и заметила, как дрожат руки. Черт, черт, черт, зачем я его оставила?

Шеф стоял у окна. Что он там видит, кроме дождя и огней дома напротив?

— Присаживайтесь.

Он послушался наполовину: прислонился к подоконнику.

— Уютно у вас.

Я попыталась взглянуть на кухню его глазами. Не больше конуры, ремонт требуется уже лет пять подряд, плита не почищена, в раковине — грязные тарелки.

— Да уж, — согласилась я. — Хозяйка я хоть куда.

— Кофеварку я включил, — сказал он буднично. — Где у вас кофе?

Я потянулась к шкафчику.

— А вы какой любите?

— У вас большой выбор?

— Целых два. Арабика и... зеленая арабика.

— Лучше первый.

Я остро ощущала его присутствие. Не был Глеб особо крупным мужчиной, но в кухне почему-то стало очень тесно.

— Сыр? Бутерброд?

— Сыр, если можно.

Глеб посторонился, чтобы я могла открыть холодильник. Украдкой соскребла плесень и нарезала сыр фигурным ножом. Заварила кофе, передала чашку с блюдцем шефу.

— Спасибо.

Садиться я тоже не стала. Прислонилась спиной к кухонному столу. Кофе был еще тот. Да и посетитель... Теперь он смотрел в пол. В судорожном молчании мы допили кофе. Глеб тут же поставил чашку.

— Спасибо, очень вкусно.

Хоть бы тень сарказма! Я с облегчением поплелась за ним в коридор, молча наблюдая, как он надевает плащ. Коротко глянул на меня.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Я закрыла дверь, поглядела на нее и сказала с чувством:

— Ох, и дура!

Вяло попивая кофе, я прослушала программу 'Ваша безопасность', обучающую, как без риска для жизни войти и выйти из собственной квартиры. По утрам очень бодрит, знаете ли...

Чувствуя себя дряхлой развалиной, сунула ноги в засохшие туфли. С опаской осмотрела колготки — не появилась ли где 'стрелка' — потеряла замызганный плащ. Да ладно, кто меня в такой темноте увидит! И с мрачной решимостью распахнув дверь, ступила во мрак подъезда.

— Ведьмина погода! — сказала я с чувством, швыряя на стол зонтик. — Доброе утро!

Буров при виде меня схватился за сердце.

— Гос-споди! Ты! Почти вовремя?

— Привет-привет, — сказала Галочка, продолжая подкрашивать глаза.

— Наташ, глянь, — озабоченно сказала Таня. — Вчера весь вечер с Игорюхой решали... Может, в учебнике опечатка?

— У меня с утра мозги не варят.

— А они вообще когда-нибудь у тебя варили?

— Заткнись, а?

— Чего такая нервная? Сразу видно, весь вечер одна дома просидела!

— Ну уж не весь... — пробормотала я, здороваясь со своим 'сереньким'. — Так, забегал кое-кто...

— Значит, не пропал вечерок?

Я посмотрела косо — в невинном на первый взгляд вопросе чудился некий подтекст — уж не созваниваются ли друзья на ночь глядя?

— Что ты привязался? Да, хороший был вечер! Да, не пропал! Да, от счастья просто на стенку лезу! Что тебе еще надо знать?

— Да нет, уже все выяснили, — сказали за моей спиной. И долго он стоит здесь, глядя на меня сверху вниз своим спокойно-снисходительным взглядом? И что из сказанного он примет на свой счет?

— Здрас-сте...

— Здравствуйте-здоровствуйте. Ну, раз вы так хорошо отдохнули, вы и работать будете так же плодотворно. Заказ должен быть выполнен к концу недели.

— Хорошо, Глеб Анатольевич, — сказала я, метнув взгляд на Бурова — тот с невиданным усердием молотил по своей клавиатуре.

— Разрешите... — из-за моего плеча явилась рука шефа, коснулась клавиш легким, почти ласкающим движением. Откинувшись на спинку, я поглядела на его сильные пальцы, просто летающие по клавиатуре. Исподлобья скользнула взглядом по рукаву костюма, по твердому плечу, классическому галстуку, гладко выбритому подбородку, чуть впалой щеке, носу с обнаружившейся легкой горбинкой, еле заметной язвительной морщинке в углу рта, слегка сощуренным глазам — серым или синим? — и...

— Поня-ятно... — слегка врастяжку сказал Глеб, и, вздрогнув, я поспешно перевела взгляд на экран. Заметил ли он, что я его рассматривала? Оказывается, шеф контролировал мою работу. И, похоже, остался этой работой не слишком доволен.

— Продолжайте, — сказал он, скользнув взглядом поверх моей головы, и отошел к своему

драгоценному Бурову.

Можно подумать, брошу на полпути! И чего привязался? Хоть бы для приличия других проверил — вон, трудятся, не покладая рук! Так, бурча про себя, я погрузилась с головой в увлекательную программу под названием 'Бухучет'.

— Наташ, тебя!

Потирая занемевшую шею, я дотянулась до телефона. Дима. Дима? А, познакомились у Марины, двадцать пять процентов алиментов, брюнет, произвел приятное впечатление, взял номер телефона и, как водится, пропал. Я, значит, не произвела. А теперь, значит, вспомнил и безо всяких объяснений и извинений приглашал меня на вечеринку. Что нести? Себя, себя, конечно, вы самый — лучший подарок. Подарок' похмыкал, погмыкал и нехотя — очень нехотя — согласился.

Я положила трубку. Нина Дмитриевна, уже давно делавшая мне призывные знаки, уставилась на меня, как на приговоренную.

— К начальнику...

Я съежилась. Отдел следил за мной с любопытством и опаской. Торопливо причесываясь и подкрашиваясь, я попыталась вспомнить все свои грехи и сбилась со счета.

— Ни пуха ни пера! — сказал Буров, не сводя глаз с экрана.

— К черту! — прошипела я, хлопая дверью.

Лифт, похоже, разгоняется в течение дня — утром, когда я опаздываю, еле плетется, а сейчас и вздохнуть не успела, как очутилась в приемной.

Высокая эффектная секретарша, уже перевесившая плащ через руку, нетерпеливо щелкала замком сумочки. Сказала раздраженно:

— Наконец-то!

Нажав кнопку, сообщила волшебным переменившимся голосом:

— Васильева пришла, Глеб Анатольевич!

— Пусть войдет. Можете идти, Лена.

— До завтра, Глеб Анатольевич.

И, небрежно ткнув пальцем в дверь, пронеслась мимо, едва не хлестнув меня полой плаща. До свиданья, милое создание, подумала я кисло и посмотрела на дверь. Она открылась.

— Ну что вы? — нетерпеливо спросил шеф. — Входите.

Неохотно переставляя ноги, я забрела вслед за ним. Остановившись у кресла, он энергично надевал пиджак.

— Садитесь! — бросил через плечо.

...Я присаживаюсь на край стола, мои голые колени на уровне его лица, тушу длинную сигарету в привезенной неведомо откуда пепельнице и говорю тягучим голосом: 'Милый мой...

Воображение меня всегда губило. Я поспешно сморгнула. Глеб смотрел на меня в ожидании. Я обнаружила, что изо всех сил вцепилась в свою сумку, представила, какой у меня сиротский вид и неожиданно разозлилась. Промаршировала к столу и села в кресло — нога на ногу. Присев на широкий подоконник, шеф снял очки в тонкой оправе и потер переносицу. Когда он отнял руку, глаза его были прицельно-острыми, и я невольно опустила ноги по стойке смирно. Скорее всего он носил очки не по необходимости, а из желания придать своему резкому лицу побольше интеллигентности...

Глеб смотрел на меня так долго, что я превратилась в бездыханную лягушку: то ли думает, как меня лучше препарировать, то ли вообще о своем замечтался. Я осмелилась шевельнуть пальцем, и, похоже, это его разбудило: он открыл рот и произнес совсем не то, что я ожидала.

Он сказал:

— Что вы делаете сегодня вечером?

На какой-то дикий миг почудилось, что мне собираются назначить свидание. Он поспешил вернуть меня к нормальному мироощущению.

— Вы можете оказать мне большую услугу.

Я сидела, проглотив язык. Похоже, Дима сегодня отпадает. Не мог, что ли, Бурова попросить просчитать? Он уже устал ждать ответа, когда я, наконец, обречено осведомилась:

— А что надо сделать?

— Составить мне компанию.

Еще одно кино? Начальник оторвал свой сухопарый зад от подоконника и непринужденно уселся на угол стола, покачивая ногой.

— П-пожалуйста...

Он поднял ровные брови.

— Вы так уверены, что я не предложу вам ничего неприличного?

— А... э... ну, я на это надеюсь.

Не успела я договорить, как поняла, что фраза прозвучала двусмысленно. К счастью, слегка улыбнувшийся шеф не стал углубляться.

— У моей мамы сегодня день рождения.

— Поздравляю!

— Спасибо. Вечер ожидается сугубо семейный: родственники, всякие там пары с детьми. И я.

Он сделал паузу, а я уже прикидывала — не собирается ли он проконсультироваться насчет подарка. Понятия не имею, чему обрадуется мать состоятельного джентльмена.

— Ну вы знаете родителей, как всегда начинают: 'А ты опять один? Сколько ж можно? Не пора ли остепениться?

Я сочувствующе кивнула: любимая песня моей мамы.

— Я, естественно, завожусь, мама расстраивается, праздник испорчен... Так что — выручите, составьте мне компанию на сегодняшний вечер!

Я продолжала машинально кивать и только потом, услышав, оцепенела:

— Что?! Я? — спросила с ужасом.

Шеф непривычно — словно неуверенно — улыбнулся.

— А что вы так испугались? Уверяю вас, мои родственники — вполне приличные люди. Большинство не кусается.

— Да я и не сомневалась... Но я...

— Заняты? Вы не можете перенести ваши встречи на другой день? Вы меня очень обяжете.

— Но почему я... У вас же куча знакомых женщин, я думаю, любая с радостью...

Он смотрел на меня с живым интересом:

— Куча женщин? С чего вы взяли?

Вот ненормальный! Другой мужик на его месте немедленно бы поддержал мои слова или начал отнекиваться с таким видом, который только подтверждал обратное...

— Ну... вы такой... — я повертела в воздухе рукой. — Интересный мужчина. И вполне... э-э... респектабельный.

— А что для женщин главное? — осведомился он. — Моя интересная внешность или мой... э-э... кошелек?

— Как для кого, наверное.

— А для вас?

Я беспомощно хлопала ресницами — что я могла ему сказать? Что начальников как мужчин не воспринимаю ввиду полной безнадежности, а содержимое его кошелька меня интересует чисто теоретически, как гимнастика для ума — за какое время я могла бы его потратить?

Шеф сжалился:

— Впрочем, не важно. Едем прямо сейчас, по дороге надо успеть купить подарок.

— Сейчас? — с ужасом спросила я, забыв осведомиться, когда это я успела дать согласие. — Но я же не одета...

— А я и не заметил, что вы голая!

Он подхватил меня под локоть, снимая с кресла, как пушинку с рукава. Я полетела рядом,

растерянно слушая его уговоры:

— Выглядите вы вполне адекватно. Я тоже не буду переодеваться.

Я кинула косой взгляд — как будто это ему надо! Он перехватил мой взгляд и, неправильно его истолковав, на ходу расслабил и стянул галстук. Сунул его в карман пиджака, расстегнул воротник рубашки.

— Нормально?

— Д-да... — я уселась в машину, с тоской разглаживая юбку... пятно вот... и голову бы помыть... И вообще.

Шеф сел за руль, увидел, как я тоскливо пялюсь в зеркало. Бодро отрапортовал:

— Помада не съедена, тушь не размазалась, румяна в пределах нормы!

— Интересно, когда вы это только успели заметить, — проворчала я.

— Я вообще замечательный! — охотно согласился шеф.

— Ну да, сам себе рекламу не сделаешь, никто не заметит...

Глеб мельком глянул на меня.

— Ну вы же не замечаете.

Что-то он разошелся. Настроение хорошее? И что я его родственникам должна говорить?

— Какая у нас легенда? — как профессиональный подпольщик осведомилась я.

Шеф пожал плечами.

— Наша сила — в правде. Мы вместе работаем...

— И все? — уточнила я.

— Остальное само собой разумеется. Я здоровый взрослый мужчина с нормальной ориентацией...

Я, как всегда, блеснула своим остроумием. Теперь самое время заткнуться, потому что на язык так и просилось: 'А докажите! Можно ведь было совершенно спокойно и убедительно объяснить, что я на такую ответственную роль не гожусь и скорее испорчу, чем подыму настроение несчастной старушке, наконец дождавшейся заветной кандидатки в снохи...

Шеф вытолкнул меня из-за своей спины, за которой я безуспешно пыталась скрыться.

— Знакомься, мама, это Наташа.

— Здравсьте... — выдохнула я. Не была она никакой старухой — моложавая леди, очень ухоженная и хорошо одетая, выглядевшая лет на сорок с небольшим, хотя даже по самым приблизительным расчетам было ей не меньше полтинника с хорошим гаком...

— Добрый вечер, Наташенька, — сказала она приветливо. — Проходите-проходите, вы совсем

замерзли. Ужасная погода, правда?

Направляемая ладонью Глеба, я настороженно, как в тыл врага, проникла в глубины квартиры. Старого типа, очень просторная, евро-отремонтирована... Мы были последними, и Ольга Викторовна немедленно начала загонять всех за стол. Похоже, она собиралась усадить нас поближе, но шеф вовремя просек ее маневры, и мы удрали на другой конец стола. Теперь справа у меня был Глеб, за которым я всегда могла укрыться, а слева пожилой мужик, отнесшийся к моему появлению благосклонно, но без особого любопытства. Родственники были разных возрастов, внешностей и комплекций. Я с облегчением убедилась, что большинство обходится без бриллиантов и прикидов 'от Кардена', и что день рождения обещает быть традиционным — с долгими поздравлениями в стихах, обильным питьем и бесконечной едой...

Я уцепилась за высокий бокал с шампанским и поглядела вверх, на вставшего шефа.

— За тебя, родная! — сказал он просто.

Краткость — сестра таланта. Я махом опрокинула в себя бокал. В пустом желудке сразу потеплело. Шеф методично накладывал в мою тарелку горы салатов.

— Куда мне столько!

— Ешьте, от вас скоро одни глаза останутся!

Ну да, как у подвальной кошки... Салаты в тарелке не залеживались, тосты множились и длились, шеф раз за разом заполнял мой бокал, который я также автоматически осушала. Через некоторое время к моим 'одним глазам' прибавился еще один живот — но зато какого размера!

— Потанцуем?

А что, уже время танцев? Я вытерла рот салфеткой и полезла из-за стола вслед за шефом. У Глеба Анатолича было, похоже, врожденное чувство ритма, и я с удовольствием двигалась вслед за его крепким — ни единой жиринки, позавидуешь! — телом. От него вкусно пахло, и я уже не пыталась придумать тему для разговоров — и без того было неплохо. Когда музыка, наконец, смолкла, я обнаружила, что бессовестно улеглась на широкую теплую грудь шефа, и что он нисколько против этого не возражает.

— Вы замечательно танцуете, — сказал он.

— А где тут у вас можно покурить? — отозвалась я совершенно в тему.

Он увел меня на кухню размером со всю мою квартиру, дал прикурить от газовой зажигалки.

— А вы?

Он пожал плечами, засунув руки в карманы.

— Бросил.

Я выдохнула дым в форточку — да здравствует здоровый образ жизни!

— Да я вообще-то тоже — так, под плохое настроение или под пьянку.

— А в данный момент?

— Нет, что вы, тут у вас хорошо! И родственники хорошие! Я даже не ожидала.

— Думали, будет что-то более ужасное? По мне судили? — засмеялся он, и я слегка на него загляделась — выпивка сделала его более раскованным и симпатичным.

— Нет, по вашему... э-э... положению...

Я не успела договорить, как поняла, что ляпнула что-то не то. Он кинул зажигалку на широкий подоконник.

— Вы хотели сказать — судя по моему кошельку?

Я растерялась — да откуда я знаю, что я хотела сказать? У меня и в трезвом-то виде язык мысли на пять километров обгоняет...

К счастью, в кухню впорхнула его юная мамаша. Окинула нас блестящим взглядом.

— Беседуете?

И непринужденно кинулась споласкивать тарелки. Глеб сморщился:

— Мам, ну зачем? Женщина с бюро...

— Все равно чужие руки! — перебила Ольга Викторовна. — Свои-то надежнее, правда, Наташа?

Я фыркнула:

— Ну не знаю! Были бы деньги — я бы с удовольствием кому-нибудь за мойку-уборку доплачивала!

Глеб подмигнул, засмеявшись:

— Что, мам, тест на идеальную сноху не прошел, а? Не пугайтесь, Наташа, она в каждой молодой женщине видит кандидатку мне в жены!

Ничуть не смутившись, мамаша, продолжая энергично греметь тарелками, кивнула:

— А что делать старухе-матери, когда такой великовозрастный оболтус не может сам найти себе половину!

— Ленится, — сообщила я доверительно. — Или не там ищет.

— Ну конечно! — подхватил шеф. — Куда мне до вашего опыта! Только что-то не вижу, чтобы он увенчался успехом!

— Зато я, по крайней мере, что-то пытаюсь сделать, — я щелчком выкинула сигарету в форточку. — А по вам это незаметно!

— Неужели?

Я поглядела на его мамашу: она стояла, погрузив руки в воду, и переводила глаза с сына на меня.

— Насколько я поняла, вы вместе работаете?

— Вернее, я работаю у Глеба Анатольевича, — официально сообщила я. — Уже почти год.

— И как он вам как начальник?

Глеб посмотрел на меня с веселым интересом:

— Мне выйти?

— Да ладно уж, оставайтесь, — протянула я, наслаждаясь минутной раскованностью, которую породили то ли шампанское, то ли праздник, то ли необычное поведение шефа. — Ну что сказать... видела я начальников и похуже.

— Вы просто не представляете, как мне не хватало вашей щедрой похвалы!

— Рада доставить вам удовольствие. Теперь ваша очередь.

— Моя?

— Ну да, похвалить подчиненную! Я же работаю у вас почти год! Могли вы составить обо мне какое-нибудь мнение?

Глеб демонстративно задумался. А я вдруг трезво подумала: какое, к черту, мнение? Фирма у него не одна, и знать и помнить всех своих служащих он вовсе не обязан... Другое дело, что в последнее время я с ним постоянно сталкиваюсь нос к носу — и все не в самом лучшем виде...

— Ну что я могу сказать... — протянул он, передразнивая меня. — Если бы вы не тратили столько сил и времени на устройство личной жизни...

— Советуете переключиться на карьеру? Думаете, мое положение на личном фронте настолько безнадежно?

— Я этого не говорил. Просто предлагаю вам немного расслабиться. Взять тайм-аут. Хотя бы на сегодняшний вечер.

Ну я и расслабилась — до такой степени, что к концу дня рождения была готова полюбить не только Глеба Анатольевича и его законсервированную мамашу, но и прочих их друзей и родственников. Лишь твердая рука шефа удержала меня от попыток облобызать на прощание всех присутствующих. Я спускалась по лестнице, цепляясь обеими руками за перила — Глеб деликатно поддерживал меня за талию — и пела замечательно громко и душевно 'Ой, мороз... Ступени под ногами все время куда-то девались, отчего песня получалась еще душевнее: 'Ой, мороз... ох, мороз... блин, мороз... Я пинком открыла дверь — в разгоряченное лицо ударили холодный ветер и дождь. Я с удовольствием поехала и, широко шагнув с крыльца, до колен провалилась в какую-то канаву.

— Ух ты! — повернулась с восторгом, задирая полы плаща — с них текла вода. — Вот такая ванна!

И для полного счастья еще подпрыгнула, обрызгав до головы себя и шефа.

— Стойте! — сказал Глеб с ужасом. — Стойте, не двигайтесь, я подгоню машину!

Я послушно осталась стоять в луже, запрокинув голову и лоя ртом дождевики. Вот кайф!

Меня потянули за рукав, я увидела перед собой тихо урчащую машину. У нее были забрызганы фары, и я немедленно кинулась протирать их полами плаща — нельзя же ехать ночью с такими тусклыми фарами! Глеб с трудом отговорил меня, уверив, что мой плащ гораздо грязнее, чем его фары. Усадил меня, включил печку.

— Снимайте туфли. У вас ноги промокли.

Я немедленно стянула раскисшие туфли, подобрав под себя ноги, пожалилась:

— И ведь больничный вы мне не заплатите...

Он закинул руку на спинку сиденья, оглянулся, сдавая назад.

— Замерзли?

— Не-а... — я широко, с поскуливанием зевнула. Голова кружилась и неумолимо склонялась припасть к его мужественному плечу. Я прижалась щекой к спинке сиденья и немедленно уснула. Я слышала шорох шин, толчки на неровной дороге, рев далекой сирены — и только сворачивалась поудобнее, кутаясь в плащ...

— Наташа... Наташа...

Я заворчала, просыпаясь. Моргая, огляделась — меня немедленно повело в сторону, и я ткнулась головой в стекло дверцы.

— Все нормально?

Я сглотнула, кивнула, спросонья и спяну не соображая, где у него открывается дверь — Глеб молча помог — я вывалилась наружу, и меня тут же вырвало — чуть ли не на колеса машины. Я плевалась и рыдала, замечательный ужин и дорогое шампанское очутились на асфальте, а Глеб держал меня и молча подсовывал свой платок. Я ожесточенно вытирала лицо, размазывая пот, слезы, косметику, воду и ненавидела в этот момент и себя и его. А потом не осталось сил и для ненависти — на короткой дистанции от машины до подъезда меня вывернуло еще пару раз, и до квартиры я добралась, вися на Глебе.

Прислонив меня к стенке, шеф стянул мой плащ и дотацил до дивана. Я, тихо поскуливая, только глазами шевелила, наблюдая за ним. Комната ехала куда-то вправо и вниз, я поскорее зажмурилась, но тогда подо мной начинал кружиться диван. Что-то холодное легло на мой лоб — шеф приволок мокрое полотенце, профессионально вытер шею, лицо, руки. Я покорно вытягивала из одежды руки, потом ноги, потом на меня опустили одеяло, а вслед за ним — потолок — и я опять перегнулась через диван в рвотной судороге. Предусмотрительный шеф, оказывается, успел поставить рядом тазик. С ним он и скрылся в ванной, а когда вновь объявился, заявил обвиняюще:

— У вас нет молока!

— У меня много чего нет... — пробормотала я, переворачиваясь на спину. Меня трясло. Через секунду я обнаружила его руку, трогаящую мои ноги, и с недоумением утянула их под одеяло.

— Холодные, как лед! — сказал шеф. — У вас есть носки? Шерстяные?

Я вяло отмахнулась, вновь проваливаясь в забытие. И проснулась, когда он начал натягивать на меня носки — и где нашел, сама второй месяц ищу... Я открыла глаза и с болезненным

прищуром уставилась на шефа. Он был озабочен.

— Езжайте, а?

— Но вы...

— Что, в первый раз, что ли?

— Но...

— Да идите, мне без вас тошно!

Глеб помаялся еще, поглядывая то на меня, то на часы. Вздохнул и, стремительно повернувшись — у меня в глазах опять замельтешило — бросил на ходу:

— Выздоровливайте. Спокойной ночи.

Спокойной... ну сморозил!

Звонок дошел до меня не сразу. Я подняла тяжелую голову, во рту было сухо и гадко, все тело болело, словно меня черти всю ночь цепями молотили. За не задернутым окном было темно, но ощутимо серело... Глянув на часы, я толчком сбросила себя с дивана — в голове бултыхнулась пульсирующая боль — схватила развешанные на спинке кресла вещи. И только натянув колготки, обратила внимание на методично названивающий телефон. Торопливо застегивая пуговицы, я сверлила его злобным взглядом: люди и так опаздывают, а тут ты еще... Не выдержав, схватила и рывкнула в трубку:

— Ну!..

Тишина, потом осторожный голос:

— Наташа? Как самочувствие?

— Мое? — оторопело уточнила я.

— Ваше. Мое в порядке.

— Нормально...

— Я хотел сказать, что вы сегодня можете не приходить на работу. Отлежитесь.

Я уставилась на свои ноги. Колготки забрызганы до колен.

— Спасибо, Глеб Анатольевич. Я бы все равно не смогла придти...

Мой голос звучал так кротко, что шеф сразу насторожился:

— Почему?

— Потому что мои туфли остались у вас в машине.

Пауза.

— И что?

Я удивилась его тупости.

— А других у меня нет.

Пауза.

— Туфель?

— Туфель, — подтвердила я, не понимая причин его недоумения.

— Я привезу, — сказал Глеб задумчиво. — После работы. Отдыхайте.

— Бла-а-дарю вас-с... — сказала я в запикавшую трубку. Начала раздеваться обратно. Ага, наш шеф не привык иметь дело с женщинами, у которых всего одни туфли. У его подруг гардероб размером наверняка со всю мою однокомнатную...

Я села, настороженно прислушиваясь к своим ощущениям. Так, можно двигаться. Можно даже дойти до двери — вон, звонок соловьем заливается. Не спрашивая, я распахнула дверь и хмуро уставилась на Бурова. Тот глядел на меня с интересом.

— Ну? — спросила я.

Видя, что впускать его не собираются, Буров протянул руку и потряс перед моим носом пакетом, словно пропуском.

— Глеб Анатольевич изволили передать!

— Что?

— Туфли.

Я задумчиво приняла пакет, и Буров, воспользовавшись этим, проник в квартиру. Стал разуваться — я так расслабилась, что не пресекла его поползновения сразу.

— Кофием напоишь? — деловито спросил Буров. Я вяло отмахнулась, и, поняв это как приглашение, он направился в кухню. Я поплелась следом, прижимая к груди пакет. Сиротливо села на табуретку, уныло разглядывая суетящегося Бурова — мне от такой активности снова делалось дурно. Буров, не обращая на меня внимания, мурлыкая, варил кофе. Я заглянула в пакет. Туфли покоробились и стали деревянными, хотя, похоже, их пытались намазать кремом. Даже в здравом уме и в твердой памяти я бы не смогла представить шефа, чистящего мои туфли... Я поставила драгоценную обувь на пол, на них — озябшие ноги. По-прежнему мурлыкавший Буров водрузил передо мной внушительную чашку кофе и, ухватив в лапы вторую, прислонился задом к подоконнику. Я осторожно понюхала кипяток — желудок промолчал, сделала осторожный глоток — живот буркнул, но выдержал.

— Глеб задерживается, — обыденно сообщил Буров.

Я моргнула.

— Где?

— Встреча у него какая-то...

— Ну?

— Задерживается, говорю.

— Ну и что?

Буров посмотрел на меня, как на дуру, и пояснил:

— Просил передать.

— А, — сказала я.

Буров сделала задумчивый глоток и зашел с другой стороны.

— А где это он твои туфли нашел?

— У себя в машине, — брякнула я и почувствовала, что начинаю стремительно краснеть. Но Буров, на удивление, обошелся без комментариев.

— Глеб говорил, ты с похмелью маешься. Я тут тебе молока, пива и сока притащил. Чем лечишься?

— Откуда я знаю? — огрызнулась я. — Я что, каждый день с перепоя? Это у тебя надо консультироваться!

Буров, похоже, обиделся, хоть я не сказала ничего, кроме правды. Сделал большой последний глоток, поставил чашку в раковину.

— Ладно. Я пошел.

Я повернулась на табуретке, наблюдая, как он обувается. Представила, что следом зайвится шеф, и сказала жалобно:

— Буров, посиди, а?

Буров, продолжая втискивать ногу в ботинок, выпрямился, злорадно ухмыльнулся:

— Э, нет, расхлебывай свои дела сама!

— Дела... — пробурчала я. — Были бы еще какие дела...

— Чего-чего?

— Ничего! Спасибо за заботу! Вали!

Коротко звякнул звонок. Буров застыл на одной ноге, вопросительно мотнул головой. Я обреченно отмахнулась, и Серега ловко щелкнул замком.

— А вот и Глеб Анатолич изволили прибыть!

Шеф поглядел на него, на меня и, не заходя, поинтересовался:

— Вы в порядке?

— В полном. Завтра буду как огурчик. Спасибо.

— Я пошел? — спросил Буров, и шеф кивнул:

— Погоди, я тоже. До завтра, Наташа.

— До свидания, — покивала я закрывшейся двери. Похоже, Глеб тоже пытается пресечь слухи... слухи о чем? О том, как я вчера славно надралась? Это же бабам полагается тащить и обихаживать перебравших мужиков, а тут — нате вам... Еще подумает, я алкашка... Или алкаши не болеют?

Прискакала Катька — самая оптимистичная из моих подруг. Из тех, у кого стакан всегда 'наполовину полон'. Помахала передо мной пачкой таблеток.

— Звоню на работу, говорят, болеешь, а у тебя же, я знаю, ничего, кроме аналгина... Что, ноги промочила?

— Скорее уж горло... Кофе будешь? Свежий, Буров только что сварил...

— Ого, вы опять?.. — Катька с удовольствием плюхнулась на табурет, сверкая карими глазищами. Этаким живчик весом с центнер. Может, и мне набрать пуд-другой? Стану заядлой оптимисткой... Хотя нет, тогда встанет проблема похудания...

— Никаких 'опять', сколько раз тебе говорить!

— Ну нет, так нет, — мирно согласилась Катерина. — А как у тебя с Олегом?

— Каким?

— Ну, каким-каким... мы тебя у Витьки познакомили. Он еще с Сашкой был. Ну, черненький такой... Адрес у тебя спрашивал.

Я, сморщившись, напряженно смотрела на подругу. Тряхнула головой, сказала печально:

— Не помню. Точно он сказал — надо брать тайм-аут!

— Кто сказал? Олег?

— Да какой Олег?

— Ну черненький!

— Это что, у него фамилия такая? Отстань! Это начальник.

— Что — начальник?

— Сказал.

Катька вытаращилась на меня.

— А какое ему дело до твоей личной жизни?

— Не знаю... — со вздохом признала я. — Наверное, никакого.

— Ну-ка, ну-ка... Колись, подруга, что там у тебя еще за начальник?

Я послушно расколослась. В моем пересказе все звучало еще нелепее, чем было. Катька молча

смотрела на меня. Темные ее брови стояли восторженным 'домиком'.

— Значит, так, — торжественно начала она. — Поправь меня, если я ошибаюсь. Первое — ведет тебя в кино. Второе — знакомит с мамой. Третье — укладывает тебя в постель... Немного не тот порядок, к которому мы с тобой привыкли, но все традиции соблюдены.

Я фыркнула:

— Отвали! Еще кофе будешь?

— Я-то думала, у тебя начальник какой-то старый пердун, а тут... Сколько ему лет, говоришь?

Я пожала плечами.

— До сорока...

— Не женат? И не был?

Я честно поднапрягла память.

— Буров разведен, и этот, вроде, тоже... Ну да, кто-то говорил, у него сын-подросток... Воскресный папаша.

— Вот! — Катька опять задрала бровь и палец. — Порядочный! О ребенке заботится!

— А неча было разводиться!

— Тьфу на тебя! Мало ли какие ситуации... И вообще, из кого в нашем с тобой почтенном возрасте ты собираешься выбирать? Алкаш тебе нужен? А хронический холостяк? Знаем-знаем, проходили! Остаются вдовцы и разведенные. Жены, сама понимаешь, как мухи не мрут, скорее, наоборот, мужик пошел хилый. Опять же войны, целый косяк в 'голубизну' подался... И что нам остается? А? А ты еще нос воротишь от нормального, свободного, буквально готового мужика!

— Да ничего я не ворочу! — озлилась я. — Чего воротить-то? То есть, от чего?.. Тьфу, Катька, отстань! Вечно ты все напридумываешь...

— Как, говоришь, его зовут? — спросила Катька, не обращая на меня внимания.

— Глеб.

— Гле-еб... — с мечтательным придыхом протянула Катька. — И где он только такое имя взял?

— Мама с папой дали. Ну, Катька!

Она в изумлении воззрилась на меня.

— Нет, ты погляди — ей мужик буквально на тарелочке с голубой каемочкой, а она выкобенивается! И какой мужик!

— Да ты его в глаза не видела!

— Правильно, — мгновенно согласилась Катька. — Я на днях собиралась приехать к тебе на работу...

Я молча показала ей фигу.

— Ну вот! — сокрушенно сказала Катька. — Собака на сене!

В общем, расстались мы поздно — обе в отличном настроении. Катька меня всегда приводит в чувство — даже, когда мне на свидание явился эпилептик, прямо тут же продемонстрировавший приступ... Я сама чуть не грохнулась рядом, неделю на мужиков смотреть не могла. 'С ума сойти! — радостно вопила Катька. — Такого еще в нашей коллекции не было! Припадочный! Боже, какая прелесть!

В общем, 'полон стакан'...

— Здрасьте, — я плюхнула сумку на стул — и что я туда все время пихаю? Стягивая плащ, с опаской поглядывала на Бурова. Тот посиживал у своего компьютера, развалившись в кресле и попивая кофейку.

— Кофе будешь? — осведомился он благодушно.

Подозрительно.

— Ага, — я достала из стола чашку и, потирая озябшие руки об озябшие же колени, пристроилась на угол стола. Буров сыпанул щедрой рукой, я плеснула кипятку и сделала осторожный глоток. Галочка вдумчиво красилась, Таня озабоченно рылась в толстенном справочнике. Нина Дмитриевна, вздыхая, смотрела опухшими глазами в темное окно — опять, наверное, давление... Тихо попискивали компьютеры, из соседнего кабинета доносилась музыка, Буров был на удивление молчалив, и я потихоньку отогревалась и расслаблялась. Зря, конечно.

— Что с тобой было-то? — спросила Галочка, закончив второй глаз — у меня всегда не хватало терпения и времени довести хотя бы одну часть лица до такого совершенства. Правда, и материал не тот.

— Напилася я пья-яна, не дойду до дива-ана... — мурлыкал под нос Буров.

— Простудилась? — неодобрительно спросила Нина Дмитриевна. — Теплее надо одеваться, а то все как девочка бегаешь — ни плаща путевого, ни сапог, ни зонта...

— Ни туфель, — поддакнул оживившийся Буров. — Надо шефа подговорить, чтоб зарплату повысил. Новые купишь.

Я одарила его прохладным взглядом.

— А что? — удивился Буров. — На сменку. Чтобы не пришлось потом казенный бензин тратить...

— Заткнись! — прошипела я, не разжимая губ. Буров не унимался.

— А можно еще ввести свободный график посещения: день работаешь, день здоровье поправляешь — после напряженного трудового вечера...

Вот гад! Я пнула его в коленку — получилось метко и больно, Буров охнул, наклонившись вперед, схватился за мою ногу.

— Свихнулась!..

— Доброе утро.

— Доброе утро, Глеб Анатольевич! — уже привычно выпалила я, оборачиваясь.

— Приветствую, — Буров, отдышавшись, приподнялся, опираясь о мою коленку, пожал руку шефа. Тот, приподняв брови, смерил меня взглядом, и я запоздало полезла со стола. В последний раз по-свойски похлопав меня по ноге, Буров сказал добродушно:

— Идите работать, Наташа.

— Как скажете, Сергей Дмитрич, — буркнула я, отправляясь в свой угол.

Глеб о чем-то разговаривал с Буровым. Я исподлобья поглядывала. Шеф был в плаще — только пришел и сразу к нам? Вон капли дождя еще не высохли... Хорошо, хоть сегодня я его обогнала: опоздала всего на семь минут. Личный рекорд, между прочим.

— Натах, тебя.

Буров передал трубку с подчеркнутым удивлением, копируя известную рекламу:

— Тебя — девушка?!

Катка? Придушу — если сомкну пальцы на ее дебелий шее.

В трубке раздался конспиративный шепот:

— Привет! Австралиец мой едет!

— Привет, — машинально отозвалась я. — Какой-токой австралиец? А кто это?

— Ну ты что? — во весь голос возмутилась трубка. — Не узнаешь, что ли? Это Инна!

— Привет, Ин, — еще раз сказала я. — А какой австралиец?

Инна опять перешла на шепот:

— Ну какой-какой! Мы с ним по Интернету списались, помнишь?

— Это такой старый дед?

— И вовсе он не старый! — обиделась Инна.

— А сколько ему?

— Пятьдесят восемь.

— А тебе?

— Тридцать два.

Я выразительно молчала. Инна занервничала.

— Это у нас мужик как на пенсию — так хоть в гроб клади! А они там в самом соку, ну видела же фотографии! Чего нам с Семкой ждать? Когда наш родной папочка-козел нагуляется? Слушай, дашь свою беленькую кофточку? Я сейчас похудела, она мне в самый раз.

— А австралийца покажешь?

— Ага, а вдруг он на тебя клюнет! Вот когда у нас все наладится... Слушай, а давай мы твои данные в Интернет сбросим?

— Ну да, — хмыкнула я. — Тут с русским-то Ваней не разберешься, а ты мне еще аборигена подсовываешь... А ты что шепотом?

— Так я своим не говорю, сглазят!

— А я?

— А ты не глазливая!

— Ну, тогда ни пуха ни пера!

— К черту! Буду держать тебя в курсе!

Я положила трубку и минут пять попредставляла себя на солнечных и лазурных берегах Австралии. А еще там есть кенгуру...

Я уже предвкушала обед — первый нормальный после однодневного вынужденного поста — когда гад Буров перебрал мне на стол две дискеты.

— Отнеси Глебу.

— Я? — вытаращила я глаза. — Зачем? Ведь есть же сеть! И почему я?

Буров хлопнул себя по коленке, возмущившись:

— Во дожили! Начальство говорит: иди и сделай, а она в ответ — зачем? Иди, тебе говорят! Очередь в столовой мы тебе зайдем...

На лифте я в этот раз не поехала. Наверное, надеялась, что шеф, не дождавшись меня, плюнет и испарится куда-нибудь. Особой симпатии в его взгляде я сегодня не уловила. А вдруг он решил меня уволить за склонность к алкоголизму? Или предложит лечиться? Так, успокаивая себя, я бодрым черепашным шагом одолела за полчаса несколько пролетов и робко просунула нос в приемную. К несчастью, Лена отсутствовала — и куда ее черт унес? Так бы отдала дискетки ей...

Я доплелась до приоткрытой двери, осведомилась робко:

— Можно?

— Разумеется, — откликнулся шеф слегка раздраженно, отчего я окончательно пала духом.

— Вам Сергей... Дмитрич сказал передать... вот, — осторожно, как взрывчатку, положила дискетки на стол и приготовилась удрать.

— Садитесь, — бросил шеф, не оборачиваясь от окна. Так, мы по-прежнему не в духе... Я осторожно села в кресло и сморщилась, когда его кожа закрипела, уминаясь под моим весом. Повисла тишина. Хоть бы радио включил, размышляла я уныло, разглядывая ковровое покрытие под ногами. Интересно, его вкус или подсказка дизайнера? Я бы выбрала что-нибудь поярче... Тут шеф обернулся, прервав мои замыслы относительно переделки интерьера его кабинета, сел за стол, разглядывая какие-то бумаги. Надеюсь, не приказ о моем увольнении.

— Мама передавала вам привет, — сказал он так неожиданно, что я некоторое время тупо молчала, пытаясь связать себя и его маму. Когда, наконец, пауза стала неприличной, я догадалась сказать:

— А... о... очень приятно. И ей привет.

— Она обвиняет меня, что я вас споил.

Я махнула рукой:

— Ну, я сама большая девочка... вы тут ни при чем.

— И все же, — сказал он и умолк. Так, экивоками обменялись, похоже, говорить больше не о чем. Сматывайся. Я вновь, как алиби, предъявила дискетки:

— Это вам Буров велел передать.

— Спасибо, — рассеянно сказал Глеб и смахнул дискеты в ящик стола. Я уже приготовилась встать, когда шеф сцепил руки в замок и спросил — задумчиво:

— Наташа, я вам мало плачу, да?

— Ну, денег всегда не хватает, — бодро пожала я плечами. — А это... вы о чем?

Он молча смотрел на меня, и я почувствовала, что начинаю краснеть:

— Вы о моих туфлях, да?

Похоже, моя одна-разъединственная пара намертво врезалась ему в память.

— ...ну, это не потому, что вы мало... хотя если больше, кто ж откажется... знаете, я вообще безалаберная насчет денег, у меня их нет через неделю после получки, и не знаю, где... вообще преклоняюсь перед теми, кто умудряется скопить... а я коплю-коплю, во всем себе отказываю, а потом — бух, ну что я, не работаю, в конце концов... а еще три года за квартиру выплачивать... и лечение...

Тут я поняла, что все больше скатываюсь к интонациям: 'Подайте Христа ради на хлебушек... и заткнулась. Глеб пару раз моргнул.

— Лечение? Какое лечение? Вы больны?

— Я? Почему?! А... нет, знаете, то зубы, то желудок, чувствуешь себя как развалюха... Какой же я буду лет через пятьдесят, если доживу? А вы себя старым представляете? Я как посмотрю на этих бабулек с клюкой — жить не хочется...

Глеб Анатолевич сидел, подперев голову кулаком, и неотрывно смотрел на меня — похоже, мой нервный треп его завораживал. Я спохватилась:

— О чем это я?

— О туфлях, — кротко напомнил шеф. — А сколько стоят женские туфли?

— Кожаные? — уточнила я. — Импортные? В фирменных магазинах?

Подумала и сказала цену. Шеф опустил руку.

— Тогда конечно...

— Да я в такие магазины просто как в музеи хожу. Правда, продавцы пристают... Вы знаете, — доверительно сказала я, — мне кажется, они просто издеваются! Ну видят же, кто к ним пришел — и что спрашивать, что меня интересует!

Тут я заметила, что шеф явно развлекается, и заткнулась. То у меня язык к небу прилипает, то трещу, как пьяный попугай....

— Вообще-то мне еще повезло! — с нездоровым оптимизмом закончила я. — Вот когда я полгода сидела без работы — вот где был кошмар!

— Обычно я сам принимаю работников, — неожиданно сказал Глеб. — Но вас что-то не припомню.

— Вы тогда в отъезде были, мне зам по кадрам подписывал... А что?

— Тогда ясно. А то бы я вас точно запомнил...

Скорее бы уж — точно не принял.

— Это уж вряд ли, — усомнилась я. — Внешность у меня среднестатистическая, умственные данные тоже...

Шеф не сделал даже вежливой попытки возразить. Потер большим пальцем бровь. Спросил — в свою очередь:

— А вообще мы о чем?

— Вы собирались мне повысить зарплату? — с надеждой подсказала я.

Глеб глянул с сомнением.

— Разве? Что-то не припомню...

Звук шагов скрыло мягкое покрытие, шефовский взгляд скользнул над моей головой.

— Лена, два кофе, пожалуйста.

Я сжалась, получив в затылок заряд недоуменно-презрительного: 'И я еще должна ЭТОЙ кофе подавать?!'

— Минуточку, Глеб Анатольевич, — пообещала она и явилась действительно через минуту — прямо 'быстро'! Вплыла с прозрачным подносом, на котором стояли чашки в блюдцах, кофейник, сахарница и миниатюрная коробочка конфет. Изгибаясь, как кошка, выставила это все на стол передо мной и вопросительно взглянула на шефа. Тот с явной благосклонностью

скользнул взглядом по ее заднице.

— Спасибо, Лена.

Она махнула на меня густыми ресницами — поднялся ветер — и с достоинством удалилась.

— Пейте, — предложил Глеб, не заметивший постигшей меня тяжелой контузии. Уволок чашку к себе за стол. Я осторожно взяла конфету — самую маленькую коробку притащила, жмотина! — откусила, прикидывая, как бы выручить с полочки хоть на полкило шоколадных... Глеб не спешил продолжать разговор, чему я была очень рада — на дармовщинку хоть конфет наестся. Только когда в коробке осталась всего треть, я с сожалением и усилием от нее отстала. Допив кофе, вопросительно взглянула на шефа.

— Наливайте еще.

Позавчера шампанским накачивал, сегодня отпаивает... Я послушно налила — все равно в столовую уже опоздала.

Шеф покрутил свою пустую чашку — у него были сильные твердые пальцы (слава Богу, без колец, ненавижу!) — и за хрупкую прозрачную посудину было страшновато. Поставил чашку на стол, скрестил на груди руки и неожиданно заявил:

— Сергей, конечно, парень неплохой...

Я похлопала глазами и уточнила зачем-то:

— Буров? — как будто у нас с ним была куча знакомых Сергеев.

— Но мне кажется, строить в отношении него брачные планы не стоит, — закончил он.

— Мне тоже так кажется, — согласилась я. — А как насчет вас?

Слова вылетели автоматом — так, для поддержания беседы. Я готова была откусить себе язык, но это бы уже не помогло, и мне оставалось только глупо улыбаться. Шеф откинулся на спинку кресла, глядя на меня с любопытством.

— Планы в отношении меня? А вы их строили? — помедлив, поинтересовался он. Я поднесла к губам чашку и утопила в ней свой длинный язык. Глеб явно обрадовался новому развлечению.

— И как, с вашей многоопытной точки зрения, я подходящая кандидатура для брака?

— Со мной? — слабо уточнила я.

— Вообще.

Глеб уперся руками в стол, слегка раскачиваясь в своем вертящемся кресле и не сводя с меня смеющихся глаз.

— Начнем с внешности. Я урод?

Я с тоской смотрела на него. Шеф готовно продемонстрировал мне фас и профиль. Не был он уродом, хоть и не был смазливый — терпеть не могу красавчиков — и я со вздохом признала это:

— Нет.

— Следующее — как насчет мозгов?

— Ну, если вы создали и руководите такой фирмой...

— Так. Значит, мозги есть? Оставим в покое мой ангельский характер, и не смотрите на меня так — ангельский, точно.

Мы рехнулись — вот что точно.

— Как насчет моего материального положения?

— А что с вашим материальным положением?

— Оно приемлемо?

— Для кого?

— Ну, скажем, для девушек вашего достатка?

— Лучше скажите — НЕдостатка, — пробормотала я. И вздохнула. — Да.

— Что — да?

— Для девушек моего э-э... достатка ваш э-э... достаток вполне приемлем.

— Ага, — сказал Глеб. — Теперь насчет вас. Что для вас — лично для вас — главное в мужчине?

— Огласить весь список?

Глеб ждал, подняв брови. Я подперла рукой голову.

— Вроде бы за такую же нищету выходить нечего, что нищету плодить... И уroda тоже не хочется, хотя знаете, есть такие обаятельные... И секс для меня не последнее дело...

— Знаю, — пробормотал Глеб. Я немедленно затолкала назад вполне естественный вопрос — откуда?

— И чтоб голова варила, и юмор, и внимание... — я затормозила, заметив блуждающую на лице шефа странную улыбку.

— Чтоб не пил, не курил и цветы всегда дарил...

— Ну да, примерно. А вы?

— Что я?

— А у вас какие требования к женщине? В смысле, к жене?

— У меня... — Глеб посмотрел в окно. — Мало требований. Я хочу, чтобы она меня любила.

Я вежливо помолчала. Но так как шеф по-прежнему смотрел в окно, спросила:

— И все?

Он поднял брови.

— Считаете, этого мало? Просто любила — просто так, ни за что, со всеми моими недостатками. Просто.

Он посидел, глядя на свои руки, приподняв брови, точно сам удивлялся своим словам. Потом посмотрел на часы и сказал обыденно:

— О чем вы думаете? Вам к вечеру нужно сдать программу, а вы тут разговоры разговариваете.

— Я? — я в свою очередь посмотрела на часы — ну надо же, как время летит за разговором! Особенно, за таким содержательным... Начальство право, право, во всем право. А если не право, смотри правило первое.

— Спасибо за кофе, — я с трудом выбралась из кресла: оно явно не было создано для деловых переговоров — настолько расслабляюще действовала его мягкость и глубина. Шеф, не глядя на меня, уже набирал номер телефона — тоже, наверное, наверстывал упущенное со мной время. Я на всякий случай кивнула ему и удрала из кабинета. Строевым шагом пересекла приемную под прицельным взглядом Лены — расслабься, детка, оставила я тебе твои конфетки!

На столе у меня лежала 'сладкая парочка' — коржик с пирожком. Тетки подняли сочувственные глаза.

— Что так долго? Без обеда осталась...

— Много вопросов? — спросил Буров, не отрывая глаз от экрана.

— Каких вопросов?

— По дискетам?

Я и думать про них забыла.

— Всего два...

Ну да — про мои несуществующие туфли и про моего несуществующего мужа. Рассеянно расправляясь с пирогом, я смотрела на экран. Странно как-то это было слышать от него. Любовь. В нашем возрасте как-то даже неприлично его употреблять — засмеют. Ну — влюбился, втюрился, втрескался — куда еще не шло. Теперь не умирают от любви. Насмешливая трезвая эпоха. Лишь падает гемоглобин в крови. Лишь без причины человеку плохо. Лишь сердце барахлит ночами. Но «неотложку», мама, не зови — врачи пожмут беспомощно плечами — теперь не умирают от любви... И вообще какой-то странный разговор у нас вышел: деньги-туфли-Буров-замужество-он... Тьфу, черт, опять не туда нажала...

Я перешагнула через порог и едва не угодила в ведра с водой, стоящие у порога.

— Чего это у вас? Потоп? Или пол моешь?

— А! — Нинка отмахнулась, подхватила ведра и пошлепала на кухню. Я пошла следом.

— Где твои?

— К маме спихнула на субботу. Хоть отоспаться, соскакивают ведь ни свет ни заря...

Нинка штопала. Аккуратная стопка носков лежала на столе, своей очереди дожидалась еще разноцветная куча.

— Садись. Есть будешь? Нитки кончились, счас...

Подхватила ведра и удалилась в комнату. Вернувшись, поставила ведра и оседлала табурет. Я подозрительно заглянула. Вода.

— Нин, ты чего это? Грудь качаешь?

Нинка скривилась.

— Грудь! Залетела я.

— Ну?

— Пальцы гну! Я уже лет пять аборт не делала. Боюсь. Одна на работе посоветовала тяжести таскать. Вот и таскаю с утра.

— Ну?

— Что — ну? Как слону дробина. Это же только в сериалах — чуть споткнулся, сразу выкидыш. А тут хоть дрелью высверливай!

Я задумалась.

— Нин, а у Кусовых ремонт...

— И что?

— Так им мебель надо двигать. Может, попросишься?

— Не могу, — рассеянно отозвалась Нинка, — у меня хондроз... У, злыдня! Жрать, спрашиваю, будешь?

— Я сегодня без обеда, — честно предупредила я. — Все подмету.

— Ладно, мой сегодня во вторую, еще поджарю.

Уплетая картошку с капустой, я предложила:

— Может, девочку родишь?

— Да иди ты!.. Я что, больная? Смейся-смейся, вот выйдешь замуж, узнаешь! Будешь толстой, как я, психованной, и скрестись через месяц!

— Вот типун тебе на язык!

Нинка, пригорюнившись, смотрела на драные носки:

— У этих мужиков-сволочей одна проблема — встанет-не встанет. А у нас, — Нинка начала загибать пальцы, — месячные — раз, девственность — два, беременность — три, роды — четыре, аборты — пять...

Мы дружно вздохнули над тяжелой женской долей.

— Не ходи замуж, Наташка, — вдруг сказала Нина. — Ничего хорошего там нет. Роди себе ребеночка...

Известная песня! Как все хорошо — так ты бедная, несчастная, одинокая, безмужняя, а как что не так — счастливая, никаких проблем... Ненавижу!

— А кстати, — тут же нелогично оживилась Нинка, — я тут объявление прочитала — как раз про тебя!

Соскочила, запнувшись за abortивное средство, вода щедро плеснула на пол. Нинка, выругавшись, сгребла ведра и с шумом вылила в ванну. Притащила свернутую трубочкой газету.

— Так, где он, я же обводила... А, вот! Брюнет, глаза карие, спортивного... 170,80,35... нормально... материально независим, детей нет. Хочет, так... стройную, сексуально раскрепощенную, без жилищных проблем... ну вылитая ты!

— Ты куда смотришь! — я ткнула пальцем. — Ему же модель нужна: 90-60-90... Да еще наверняка блондинка с ногами от коренных зубов...

— А ты объявления не давала?

— Его надо еще сочинить... ты погляди, какие они все здесь умные, красивые, нежные, сексапильные... А что, давай! Только всю правду: не умная, не красивая, нервная, ленивая, мужчин люблю, но недолго... Думаешь, кто-нибудь откликнется?

— Разве что такой же ненормальный. Нет, ну его, этого брюнета! Знаешь, я где-то читала, что брюнетам нужны блондинки и наоборот! Так, какие у тебя глаза? Почти карие... угу, у него должны быть серые, синие, голубые, а волосы если не блондинистые, то русые...

Нинка уставилась на меня с надеждой. Я честно перебрала свое окружение: в памяти упорно всплывали почему-то только стальные глаза Глеба. Изыди! Я сдалась и решительно заявила:

— Не нравятся мне блондины!

— Да? А кто тебе нравится?

— В данный момент никто! Но мы квиты — я им тоже не нравлюсь. Нин, а ты мужа любишь?

Такой простой вопрос, похоже, поставил ее в тупик. Нинка выпятила нижнюю губу. Спросила настороженно:

— А что?

— Любишь или нет?

Она пожала плечами, забрала у меня тарелку.

— Ну...

— Что — ну?

— Ну люблю, а что?

— Да ничего, — я полезла из-за стола.

— А чего ты тогда? — подозрительно спросила Нинка, сопровождая меня в прихожую. Я тяжело вздохнула:

— Откуда я знаю? Пока, спасибо за ужин!

Я поглядела в глазок и с некоторым недоумением открыла дверь.

— Привет, — сказал Макс, сходу сунув мне в руки гигантскую шоколадку.

— Привет. А где Динка?

— Дома. Я тут мимо проезжал, решил зайти...

Такое впечатление, что рядом с моим домом проходит кольцевая общегородская автомагистраль — все ездят мимо... Я задала дежурный вопрос:

— Кофе будешь?

— Лучше чай.

— Сосуды бережешь? — я убрела в кухню, пожимая плечами. Макс — муж моей хорошей приятельницы и в гости приходит исключительно со своей половиной. И что его принесло? Только собралась расслабиться перед телевизором...

Он занимательно трепался, я старалась соответствовать, и все шло отлично, пока не перестало отлично идти. Макс поразмял ноги, прошелся по кухне, выглянул в окно — и как-то разом очутился рядом, нежно меня обнимая.

Начинается, подумала я. Макс уже вел прочувствованную речь о том, как давно я ему нравлюсь, и что он давно хотел приехать (и что же не приехал?), а я с тоской думала — ну, опять! Почему-то все окружающие мужчины относятся к холостым девушкам по принципу: 'Я знаю-знаю, хочешь, я точно знаю, хочешь, хочешь, но молчишь... Спокойствие, только спокойствие! Когда Макс опять полез с поцелуями, я отстранилась и с печалью в голосе произнесла:

— Макс, ты парень очень приятный, но Дина — моя подруга и это нечестно по отношению к ней. И вообще, у меня правило — не встречаться с женатыми мужчинами...

— А с кем ты тогда встречаешься? — изумился Макс, снова потянувшись ко мне. Теперь главное — повторять, повторять, повторять, авось дойдет. Дошло через несколько минут возни и взаимных уговоров. Макс пересел на свой табурет и, поболтав о том о сем, побрел до жены до дому.

— Бай-бай, — сказала я, с облегчением закрывая за ним дверь. Надеюсь, на этот раз обойдется без эксцессов — осталось только выяснить окольными путями, скажет ли он Динке о своем визите. А то если кто-то из нас упомянет, а другой нет, могут возникнуть подозрения... О, Господи, вот и скрывай то, чего нет!

Давным-давно, когда я была еще молодой и зеленой, таким вот самым образом я и потеряла лучшую (тогда) подругу. Не ожидавшая такого вероломства от ее любимого мужа, я закатила ему жуткий скандал и с треском выставила за порог. Полдня промучилась — раскрывать ли

подруге глаза на ее неверного супруга, а к вечеру позвонила сама Маринка и обвинила меня в том, что я пытаюсь разрушить ее семью, что такого предательства она от меня не ожидала — и тэ дэ и тэ пэ... Чувствовалось, только в силу своей интеллигентности она удерживается от более сильных выражений. Я только беспомощно мекала в трубку, но что значит слово подруги, которых хоть пруд пруди, против слова любимого (и вовремя подстраховавшегося) мужчины, с которым она намеревалась провести всю жизнь! Сейчас-то я понимаю — Марина просто выбрала то, что ей дороже. Мудрая женщина. А я с тех пор твердо усвоила одно — в любом случае виноватой останется женщина. По принципу: 'дыма без огня не бывает' или еще радикальней — 'сучка не захочет, кобель не вскочит'.

Выйду замуж, мрачно пообещала я себе, ни одной подруги на порог не пущу — а вдруг только я такая честная-благородная?

Только я собралась отправиться в ванну, чтобы ответственно лечь спать пораньше, как зазвонил телефон.

— Здравствуй.

— Привет, Оль!

Длинная пауза.

— Как живешь? — мертвым голосом спросила Оля.

— Хорошо, — осторожно сказала я.

— А мы с Антоном расходимся.

Я беззвучно и длинно вздохнула.

— Я ему вещи собрала.

Я поглядела на ногти. Вещи она собирала каждые несколько месяцев в течение последних четырех лет. И каждый раз звонила мне и сообщала, какой он подлец, и как ей сейчас плохо и больно... Первые разы я горячо поддерживала ее решимость и сочувствовала ее страданиям. А последнее время просто выполняла роль хорошей подруги — то есть выслушивала ее излияния с соответствующими 'а, да-да, и что? вот сволочь... Но сейчас я тупо пялилась в стенку и чувствовала, что лимит моего терпения и эмоций на сегодня уже исчерпан.

— Да куда вы денетесь! — перебила грубо. — Так и будете трепать друг другу нервы до самой смерти! Извини, я спать хочу!

На том конце трубки воцарилось потрясенное молчание. Я поскорее нажала на рычаг, пока меня не обвинили в черствости и эгоизме. Завтра буду терзаться угрызениями преступной совести. К черту такую любовь, Глеб Анатольевич! Мне и без нее нескучно!

Разлагающее влияние короткого рабочего дня — субботы — и отсутствие начальства сказывалось на всех. Нина Дмитриевна возилась с цветами, Буров увлеченно мочил монстров, Галочка отсыпалась после бурно проведенной ночи, Таня печатала очередной реферат для своего Игорюхи. В такой разлагающей атмосфере мне с большим трудом, с раскачкой удалось усадить себя за подчистку хвостов.

— ...Ну что, девчонки, — Буров звучно хлопнул в ладоши. — Давайте закатимся куда-нибудь!

— Знаем мы ваши катания...

— А что за повод?

— Повод законный — пятерку отмотал в глебовской конторе.

— Прямо сегодня?

— Тика в тика! Ну, Нина Дмитриевна?

— Да куда мне, старухе, с вами!

— Эта старуха нас еще всех за пояс заткнет! Танюх?

— Ой, я не знаю... Стирки у меня...

— Иди-иди, расслабишься, — сказала я, выключая компьютер. — Не сдохнут без тебя твои мужики.

— А ты что увилливаешь?

— Да я больше не пью.

— И меньше тоже! Галка, хватай ее!

После недолгих препирательств Буров затолкал всех в свой 'Форд' и отвез в 'Старый город'. Там мы и просидели часов до шести — Буров с Галочкой 'приговаривали' графинчик водки, Таня с Ниной Дмитриевной — бутылку красного, а я, строго блюдя пост, грустила над безалкогольным пивом. Когда семейные вспомнили о существовании своих домашних, уже изрядно набравшийся Буров вдруг выдвинул идею:

— А давайте нагрянем к Глебу!

— А давайте! — радостно вскричала Галочка. Глядя на нее, закивала и Таня. Я, как единственная трезвая, сказала сурово:

— Рехнулись! Ты ему хоть брякни!

— Брякну-брякну. Девочки, в машину!

— Так, — решительно сказала Нина Дмитриевна. — Я — домой, а вы хоть к Глебу, хоть к Путину...

Мы вылезли на шестом этаже, и Буров повлек нас к приоткрытой напротив лифта двери.

— А вот и мы! — заявил радостно, распахивая ее чуть ли не до самой стены. В прихожей стоял Глеб — в линялых джинсах и светлом пуловере, лениво похлопывая себя по бедру сложенной газетой. Его рука замерла, когда он увидел, каких именно 'дам' приволок с собой Буров. Надо отдать ему должное — с лицом он справился быстро — но мне очень-очень захотелось домой.

— Извините, Глеб Анато...

— Здравствуйте, Глеб Анатольевич! Мы к вам без приглашения...

— Ничего-ничего, проходите.

— Мы тебе сюрприз... бормотал Буров, разуваясь. — Большой сюрприз. Что у тебя пить?

Да уж, сюрприз... Я сморщилась, оглянувшись на близкий лифт — господи, ведь самая трезвая... Интересно, а выпускают отсюда тоже по звонку? Шеф, помогавший Татьяне снять плащ, склонил голову набок, выглядывая меня из-за двери.

— А вы что там топчетесь, Наташа? Заходите скорее!

— Ага...

Я перевалила через порог, потянула на себя входную дверь.

— Подождите, я сам.

Я отшатнулась к стене, чтобы он мог закрыть дверь, но Глеб все равно задел меня твердым плечом.

— Извините. Снимайте плащ.

Разуваясь, я перехватила его взгляд, брошенный на мои ноги, и молча поклялась сегодня же выбросить проклятые туфли — похожу в сапогах... черт, там же еще набойки надо менять...

Где-то в недрах квартиры уже гремел Буров. Я осторожно поглядела на Глеба.

— Ну... проходите, — негромко сказал он. Я оглянулась — в прихожей хоть маленькую свадьбу играй. Пробормотала себе под нос:

— Боюсь, заблужусь.

— Идите на голос! — посоветовал Глеб, улыбаясь до ушей. И чего лыбится, чему радуется?

Буров уже всю хозяйничал, опустошая холодильник. Сунул мне упакованную в целлофан ветчину.

— На, режь!

— Может, закажем чего-нибудь? — спросил Глеб. Буров отмахнулся.

— Да не напрягайся! Мы ж по-простому...

— Да, Глеб Анатольевич, мы на минутку, — подхватила Таня, которой тоже было не по себе. — Мы не хотели вам мешать...

Буров вручил ей сыр.

— Строгай!

Глеб открыл бар и начал задумчиво изучать его содержимое. Откуда-то издали доносились восторженные громкие вздохи Галочки — она совершала турне по шефской квартире. Разделение труда, подумала я, ожесточенно терзая ветчину. Глеб сноровисто доставал бутылку

за бутылкой — он явно переоценивал наши возможности. Таня так же энергично кромсала различные деликатесы, добытые Буровым. Сам Буров вскрывал консервные банки и уволакивал их в комнату.

Посреди прекрасного вечера Татьяна вдруг вспомнила, что у нее существует семья, и засобиралась домой. Мы хором возмутились ее тираном-мужем, и Таня, слабо посопротивлявшись, согласилась на фальшивое алиби. Домой к ней звонила Галочка. Голосом примерной школьницы младших классов она долго извинялась, что, сорвав с работы, буквально закатав в ковер, как восточную невольницу, увезла его любимую жену справлять свой с мужем юбилей: 'Десять лет, вы же понимаете!'. Да-да, ее доставят домой, да-да, проводят, ах, простите, все получилось так спонтанно... Потом вступила Таня. Пару раз кивнув, пару раз дадакнув, она повесила трубку и застенчиво нам улыбнулась. Ура, вскричали мы и уволокли ее обратно на 'юбилей'. Интересно, выдержит ли Галочка хоть с одним из своих мужей такой огромный срок?

Танцевать с Буровым все равно что танцевать с осьминогом: только и успеваешь возвращать его руки на положенное место. Я покосилась на вторую парочку — Галочка покачивалась в нежных объятиях шефа — и внезапно устав, сказала:

— Пошли покурим!

Буров готовно согласился. Я заняла любимую шефовскую позицию на подоконнике — на моем и консервная банка не поместится, не то что чья-то задница. Предупредила:

— Только форточку открой, а то Глеб бросил.

— Да? — Буров выколупывал из пачки последние сигареты. — А ты откуда знаешь? Вчера выяснили?

— Нет, раньше.

— Да-а-а? — Буров щелкнул зажигалкой. Прикурил, выдыхая дым над моей головой. Его рука заскользила по моей коленке.

— Бу-уро-ов! — угрожающе сказала я, отдирая его ладонь — она поддалась, но только для того, чтобы переместиться мне на бедро. — Руки прочь от моей задницы! Ну, Буров!

— А?

Засмеявшись, он наклонился, прихватывая громадной лапой мой затылок. От него пахло спиртным и табаком, но целовался он будь здоров, и я не сразу спохватилась. Уперлась руками в его твердую горячую грудь — это было все равно, что спихивать с дороги танк... Отпустил он меня только когда в кухне зажегся свет — да и то не сразу. Отпустил, слегка отодвинувшись, подмигнул темным пьяным глазом и затянулся изрядно прогоревшей сигаретой. Я глянула поверх его могучего плеча на Глеба — тот застыл на пороге со стаканами в руках, словно раздумывая, не податься ли ему обратно. Решил, что не стоит, и, сказав на ходу:

— Извините, — прошел к мойке. Я слезла с подоконника и поспешно ретировалась с кухни.

Таню провожали долго и упорно, с неоднократными возвращениями к столу, чуть ли не с

песнями-плясками... Наконец мужики пошли усаживать ее в вызванное такси. Ну все — если ее еще пару раз поцелуют на прощание — девушка будет счастлива все выходные... Я поглядела на напевавшую Галочку. А мы-то что? Двое на двое? Я вообще-то на такой расклад не рассчитывала — несмотря на все мое уважение к нашим начальникам.

— Галь, — сказала я осторожно. — А тебе домой не пора?

— Не-а... у меня дома ни-ко-го!

— У меня, в общем-то, тоже... — пробормотала я. — Но мне пора.

С трудом разыскала свою сумку. Так, а где зонтик? Надев плащ, я бродила по глебовским хоромам в поисках где-то оставленной косметички, а нашла вернувшегося хозяина. Глеб окинул меня скептическим взглядом. Судя по его ясности, большую часть тостов шеф все-таки умудрялся пропускать — несмотря на всю бдительность Булова.

— Наташа? — спросил спокойно.

— Я домой.

Он помолчал.

— Вас ждут?

— Нет.

Он кивнул и спокойно забрал у меня сумку.

— Снимайте плащ.

— Глеб...

— Я все понял. А теперь снимайте плащ и идемте обратно к столу. Мы с Сергеем мужики умные.

Звучало это, конечно, очень... успокаивающе.

— Ничего себе сексодром!

Мы разглядывали спальню, которую Глеб определил под 'девичью'. Галочка со знанием дела подпрыгивала на кровати, я просто бродила, открыв рот, туда-сюда, дотрагиваясь до стен, штор, мебели, кровати. Мимходом приоткрыла ящик прикроватной тумбочки, заглянула и быстро задвинула. А ты что ожидала там увидеть? Сказки Андерсена?

В дверь постучали.

— Войдите! — радостно вскричала Галочка. Заглянул Глеб.

— Не спите? Полотенца и халаты в ванной. Зубные щетки в шкафчике. Если что-то будет нужно...

— Да, Глеб, я хотела спросить... — Галочка махом оказалась возле двери, шагнула, увлекая хозяина в коридор. Как это она быстро опустила 'вы' и отчество... Я весь вечер на этом

спотыкалась. Я оглянулась со вздохом. Ну что, время умываться и спать? И какого лешего осталась? Людям только мешаю... Вернулась напевавшая Галочка, взяла сумочку и пошла в ванную. Так, это наверняка надолго, я пока полежу...

Среди ночи жутко захотелось пить — объелась соленого. Я посидела на кровати, прислушиваясь. Сквозь плотные шторы пробивался шорох не прекращавшегося дождя и сочился слабый свет фонаря. Тихо посапывала Галка. Из комнаты 'мальчиков' доносился чей-то звучный храп. Ну ладно. Я натянула свитер и, утопая подошвами в ворсе, двинулась в ночной поход. Падающий откуда-то неяркий свет — ночник? — не дал мне заблудиться. Я посидела в туалете, разглядывая потолок — со шваброй в руке не допрыгнешь... Так, а здесь, кажется, нужно завернуть налево и будет кухня. Я завернула налево и вросла в пол.

На кухне, удобно устроившись на низком диванчике под мягким светом лампы, сидел Глеб и с карандашом в руке изучал какой-то журнал. Он поднял голову и молча посмотрел на меня. Чувствуя себя ужасно неловко, я пробормотала:

— Я... пить...

И еще пару раз для верности махнула рукой в сторону раковины, словно он был глухонемым или иностранцем. Глеб мягко поднялся, молча налил стакан воды из белого матового кувшина. Пока он это проделывал, я спешно пыталась натянуть на колени свитер — он всегда казался мне длинноватым, но не теперь... Глеб протянул мне стакан, не трогаясь с места. Пришлось все-таки перешагнуть порог кухни. Пока я пила, Глеб прислонился спиной к столу. Я скосила глаз — он смотрел на стакан, будто считал глотки. Я немедленно поперхнулась, закашлялась и зажала себе рот, услышав, как в соседней комнате смолк храп Бурова. Кивая и утирая выступившие слезы, вернула стакан Глебу.

— Спасибо, — и остро ощущая его взгляд, отправилась вон. Уже на пороге меня настиг голос Глеба.

— Наташа.

— А?

Он все еще держал стакан на ладони, словно взвешивал.

— Посидите со мной.

Я застряла на пороге. Глеб добавил, ставя стакан на стол:

— Если вы, конечно, не очень хотите спать.

Какой 'спать'! Сна ни в одном глазу и он это видит. Сбежать сейчас — все равно что расписаться в трусости... Я молча повернулась и села на второй диванчик — через низкий стол от Глеба. Снова попыталась натянуть свитер на голые коленки. Глеб взял со своего места плед, передал мне.

— Спасибо.

Он открыл холодильник и уставился внутрь, похоже, пытаюсь собраться с мыслями.

— Хотите чего-нибудь?

А как же! Удрать от тебя подальше.

— Нет.

— Может, конфеты будете?

Вот жук! Заметил, как я пожирала его конфеты. Трудно было не заметить...

— Конфеты буду, — обреченно сказала я.

— И кофе, — решил сам для себя Глеб.

— Не уснете.

Он пожал плечами.

— Завтра выходной.

Пока он колдовал над джезвой, я придвинула поближе его журнал и обрадовалась:

— Кроссворд!

Глеб оглянулся, сказал осторожно:

— Так, для отдыха...

— А я люблю! — радостно сообщила я. — У меня даже книжка такая есть: справочник для кроссвордистов.

Глеб с мгновение смотрел на меня, подняв брови. Подошел к дивану и, вытащив откуда-то из его недр пухлую книгу, торжественно вручил мне.

— О! И вы!.. А можно поотгадывать, пока вы кофе варите?

— Ни за что! — сурово сказала Глеб. — Дайте сюда.

— А давайте вслух!

— Сейчас... — Глеб поочередно заглядывал в джезvu и в журнал. — Так, где я остановился? Вот... у-гу... пляж?

— Сколько букв?

— Пять.

— Песок. Лежак. Океан.

Глеб заглянул в журнал и перебрал его мне, подхватывая правой рукой джезvu.

— Пишите, — сказал обвиняюще. — Вы знали!

— Нет, честное слово! Мне немного...

— Много и не получится. Подождите, осядет... Так. Мэрилин... молчите, сам знаю! Вот эти с шоколадной начинкой.

Я поджала под себя ноги, и, навалившись на стол, заглянула в журнал. Глеб методично заполнял клетки.

— Ну так нечестно! — возмутилась я. — Дайте же мне!

— Я к вам только как к профессионалу...

Он тоже уселся поудобнее, согнув одну ногу и привалившись плечом к спинке дивана.

— Морская птица.

— Альбатрос?

— Пеликан?

— Сами вы пеликан! — сердито сказала я. Глеб тихонько рассмеялся. Я перевернула журнал к себе.

— А вот здесь нужно 'о', а не 'а'.

— Где? Ну нет, я точно знаю, что 'а'.

— А давайте поспорим?

— А давайте!

— А на что?

Я засунула подтаявшую конфету в рот и облизала пальцы. Глеб посмотрел, внезапно протянул руку и провел большим пальцем по моим губам. Вздвогнув, я отдернула голову.

— Шоколад, — спокойно пояснил Глеб. — Так на что спорим?

Мы с затруднением смотрели друг на друга. Глаза у Глеба сейчас казались почти черными.

— Если проиграю, ставлю вам большую коробку конфет. Согласны?

— Ну... да. А я что?

— Если вы — на неделю даете отставку всем своим поклонникам.

Я открыла рот, и Глеб подначивающе засмеялся:

— Сумеете продержаться?

— А вам-то от этого какой прок? Думаете, резко повысится моя работоспособность?

— Думаю, вам стоит отдохнуть. Вспомните, когда вы в последний раз проводили вечер одна?

— Согласна, — деловито сказала я, протягивая руку. — Но только чтобы в коробке не меньше килограмма!

— Но чтоб ни одного претендента ближе ста метров! — предупредил Глеб.

Мы торжественно пожали друг другу руки и вновь уткнулись в журнал.

— ...И что они имели в виду? Чердак? Крыша? А что вам не нравится в мужчинах, с которыми вы знакомитесь? — спросил Глеб так рассеянно, что я машинально заглянула в кроссворд — не следующий ли это вопрос. Глеб поднял глаза, и я автоматически выпалила:

— Раскладушка!

Он, похоже, тоже хотел для верности заглянуть в журнал, но удержался:

— В смысле?

— Ну, в смысле, как у Жванецкого: 'А он ей норовит подножку — и на раскладушку! Почему я должна укладываться буквально с первым встречным? Я же человека для жизни ищу, а не чтобы перепихнуться... Тем более, после этого мужчины почему-то считают, что женщина — их собственность и начинают качать права...

— Но, в принципе, что здесь такого? — сказал Глеб. — Мужчине нравится женщина, он ее желает...

— Это все-таки чердак!

— Почему?

— Потому что здесь явно крыса. Ничего не имею против, но хочется отношений, которые начинаются так... со взглядов. Или вы думаете, если все прекрасно ночью, все будет замечательно и днем?

Глеб хлебнул кофе и заметил:

— Разве нам с вами ночью плохо?

— Увиливаете от ответа?

— Нет, развиваю тему. Честно говоря, надоело уже переворачивать журнал туда-сюда. Может, вы все-таки пересядете? Или мне к вам?

Волоча за собой плед, как шлейф, я перешла на его сторону. Удобно примостилась на толстом диванном валике. Сказала с удовлетворением:

— Вот наконец-то я смотрю на вас сверху вниз!

Глеб откинулся на спинку дивана, поглядывая на меня.

— Вам это нравится?

— Непривычно. А вам?

— Я так на вас смотрю?

— Разумеется. Вы же начальник, я от вас зависю... завишу... ну! испытываю зависимость.

— Лучше бы вы ко мне испытывали привязанность.

— Что, нравится, когда вас любят?

— Хорошо, что вы меня хотя бы терпите.

— Ну что вы, Глеб Анатольевич! — протянула я елейным голоском. — Ну как же вас не любить — с вашим-то ангельским характером!

Шеф одобрительно кивнул и пододвинул мне конфеты.

— Молодец, заслужили!

Мы еще фыркали, когда Глеб проделал некий маневр — мягко сдвинулся влево, обнимая меня за талию и непринужденно положив ладонь на мое колено. Я растерянно глядела на него сверху — плохо у меня с реакцией в последнее время — а шеф уже говорил приветливо:

— Присоединяйтесь, Галя.

Что-то не так у Глеба с этим порогом, просто какая-то геопатогенная зона, все не решаются через него переступить. Сейчас там маялась Галочка. Выглядела она, как всегда, обалденно: макияж как свежий (а может, и свежий?), рубашечка аккуратно расстегнута в стратегических местах — в общем, воплощение женственности и сонного очарования... Я мигом раздумала избавляться от глебовской руки на своем колене. Деловито сунув очередную конфету в рот, кивнула:

— Мы тебя разбудили? Заходи, чего стоишь?

У Галочки в глазах появилось очень странное выражение.

— Да нет уж... простите, что помешала, Глеб Анатолич...

Мы проводили ее взглядами.

— Похоже, она к вам приходила, — шепотом сообщила я без малейшего раскаянья.

Глеб не стал ломаться.

— Похоже.

— Извините тогда.

— За что?

— Ну... помешала.

— Спасли.

Я с интересом посмотрела на него сверху — Глеб водил пальцами по моему колену, но, моему, чисто рефлекторно. Где опять этот чертов плед?

— Трудно поддерживать деловую дистанцию с привлекательными женщинами, — объяснил он.

— То-то я смотрю, вы так измучены! — посочувствовала я. — Может, теперь отодвинетесь? Я уже вас спасла.

Он задрал голову.

— Вам неудобно?

— Да. И еще мне пора спать.

— Обиделись?

— Нет. Просто не знаю, что теперь ей говорить.

— А вы обязаны перед ней отчитываться?

— Можно, я встану?

— Не обижайтесь. Я не хотел портить вам жизнь.

Ну да, просто хотел избежать трудностей в своей жизни... Я посмотрела в его лицо. Глаза Глеба мягко светились. И я в первый раз как следует почувствовала, что он рядом, даже слишком рядом, что его рука ласкает мое колено, что сейчас мы вдвоем, не считая храпящего Бурова и Галочки в дальней комнате... Не знаю, какие мысли полезли в голову Глеба, но он опустил руку и не шевельнулся, когда я поднялась с дивана. Я быстро оглянулась на пороге — Глеб смотрел в стол.

— Спокойной ночи.

— Спасибо за компанию, Наташа...

Галочка дышала тихо — спала или делала вид. Ну извини, подруга, в другой раз... Я осторожно улеглась на свой край, натягивая тонкое одеяло. Вновь вспомнила голос, смех, взгляд, прикосновение... Мысли явно приобретали опасный характер. Гнать их взащей, Глеб же ясно предупредил, что не терпит служебных романов! Да и мне не нужны сложности — хотя бы в виде легкой влюбленности в собственного шефа. Я свернулась в клубок, строго приказав себе: 'Спать!'. И, как ни странно, себя послушалась...

Открыв глаза, я долгое время пялилась на темную шторину. Сквозь нее с трудом продирался серый день. Где это я? Попыталась повернуться — сзади завозились — и я замерла, враз ощутив обнимавшую меня тяжелую руку и горячее голое тело за своей спиной. Господи помилуй, но я же вчера не пила! Очень осторожно повернула голову, скосив робкий взгляд.

Глеб спал. Некоторое время я созерцала его, судорожно перебирая в памяти вчерашние события. Нет, амнезией я до сих пор не страдала — тем более, в трезвом виде. Но как и когда он здесь оказался? И где Галка? Я вновь попыталась шевельнуться, Глеб что-то забормотал, утыкаясь губами в мой затылок, ладонь его скользнула по моей груди — я замерла — и легла на живот, притягивая меня к себе еще ближе. От него несло жаром, как от хорошей печки. Я смутно припомнила, что когда ночью стало холодно, придвинулась ближе... как я тогда считала — к Галочке. Глеб вздохнул и задышал ровно. Я — делать нечего — закрыла глаза, успокаивая бьющееся сердце, и незаметно задремала сама.

Стало холодно. Я завозилась, подтыкая под спину одеяло, подняла голову с подушки. Глеб сидел неподалеку и смотрел на меня припухшими со сна глазами.

— Доброе утро, — сказал, приглаживая взлохмаченные волосы.

— Доброе, — осторожно согласилась я.

Он перехватил мой быстрый взгляд и медленно, словно еще сонно, улыбнулся.

— Извините. Не привык спать в своей кровати одетым.

А, вообще-то, как вы в ней очутились, Глеб Анатолич?.. Я заглядывалась.

— А где?..

— Галя?

Он сказал, как само собой разумеется:

— У Сергея. Так что...

Он пожал плечами, не договорив. Ну конечно, не на пол же ему ложиться, в собственном-то доме... Как-как!.. Пришел да лег — вот как. И не отдвинулся, когда к нему ночью прижалась голая женщина...

Он повернулся ко мне спиной, спуская ноги с кровати, встал. Чувствовал, что я слежу за ним, потому и не торопился — стесняться ему было нечего. Крепкий, поджарый, любо-дорого смотреть... Когда он, наконец, натянул джинсы и свитер и повернулся, я невинно увела глаза в потолок.

— Поспите еще, — посоветовал негромко. — У вас круги под глазами.

И прикрыл за собой дверь. Утренний комплимент! Сначала заставляет полночи с ним кроссворды разгадывать, а потом еще и критикует! Правда, что ли, круги? Я села, с опаской косясь на дверь, огляделась. А, вот зеркало! Придирчиво осмотрела себя — все в пределах моей обычной нормы...

Через час все собрались на кухне — Буров, как всегда, маялся головой, Галочка мрачно молчала, я старательно ни на кого не смотрела, Глеб сосредоточенно разливал всем кофе... Прямо утро стрелецкой казни!

Допив кофе, я засобиралась домой. Глеб помог мне натянуть плащ. Засунув руки в карманы, молча наблюдал, как я запикиваю в сумку косметичку и зонтик. Сказал неожиданно, подхватывая куртку:

— Я вас провожу.

Я моргнула. Ну да, еще не выпустят без его соизволения. Мы молча съехали вниз, прошли мимо охранников, Глеб рассеянно им кивнул, я пробормотала: 'здрасьте-до свидания'. Думаю, вряд ли меня приняли за девочку по вызову — скорее за бедную родственницу. Глеб открыл передо мной дверь, вышел следом. Я огляделась и вдруг поняла, что не знаю, куда идти. Приехали-то мы на Бурове, темным вечером...

— Автобусная остановка за углом, — подсказал наблюдавший за мной Глеб.

— Ага. Спасибо. До завтра.

— Подождите, я провожу.

— Да не надо...

Он мотнул головой, засунув руки в карманы куртки.

— Прогуляюсь. Дождь-то перестал...

И правда, хотя день оставался серым и хмурым, дождя не было. Ночной ветер подсушил асфальт и лениво переворачивал багровые истлевающие листья.

Я молча повернулась и пошла — что я могла сказать? Ах, нет-нет — и в бега? Пусть идет. Тем более, недалеко — вон уже остановка. А дом у него удачно расположен: вписался в тихий старый двор, и не подумаешь, что рядом шумная центральная улица.

Глеб нагнал меня в два шага.

— Я бы подвез, но сами понимаете — мне сейчас за руль...

— Да все нормально!

— Может, такси?

— Спасибо, Глеб Анатольевич, — чопорно ответствовала я. — Я не спешу.

Похоже, он воспринял мои слова как предложение подождать. Подпер плечом столб, провожая взглядом проезжавшие мимо машины. Несколько минут мы гипнотизировали дорогу, словно пытаясь телепортировать автобус из неведомой дали.

— Так, — наконец поставил диагноз Глеб. — У них сейчас обед.

Я взглянула с сомнением.

— Обед?

— Ну, ланч, второй завтрак, что там еще... Вы давно не гуляли по городу?

— Гуляла?

Еще пара таких переспросов — и он решит, что у меня что-то не в порядке со слухом. Или с головой.

— Ну да, гуляли — так, без цели, без походов в магазины...

Я задумалась.

— Давно.

— И я давно, — оживился Глеб. — Давайте пройдемся пару остановок. Кстати, вы проиграли!

Я перестала безнадежно пялиться вдаль.

— В смысле?

— Я сегодня проверил по словарю — как и говорил, буква 'а'. — Глеб вздохнул насмешливо. — Просто не представляю, как вы выдержите неделю в одиночестве.

Я приуныла.

— Значит, конфет мне не видать как собственных ушей?

— Могу выдать утешительный приз — шоколадку.

— Ну, на безрыбье... где шоколад?

Глеб показал пальцем.

— Продержитесь сотню метров до киоска? Вы голодная или просто сладкое любите?

— Просто.

— Конечно, фигура позволяет...

Чувствуя, что начинаю краснеть, я поспешно наклонилась — убрать прилипший к каблuku лист. Да уж, мою фигуру он знает теперь не только в пригляд, но и на ощупь... Выпрямилась и обнаружила, что Глеб задумчиво изучает витрину обувного магазина.

— Зайдем? — и, не дожидаясь ответа, толкнул зеркальную дверь. К нам тут же устремилась здешняя 'пиранья', приветственно оскалив цепкие белые зубы.

— Добрый день, что вас интересует?

Глеб с любопытством озирался.

— Нас интересуют женские осенние туфли, — он рассеянно взглянул на меня. — Размер тридцать седьмой, удобные и...

— Гле-еб!.. — прошипела я, дергая его за рукав.

— А?.. модель обговорите сами.

— Присаживайтесь, — пиранья мигом смекнула, кого из нас ей слушаться. Затравленно поглядывая на шефа, я опустилась на банкетку. Мне уже волокли коробки.

— Примерьте эту пару...

— Да я на них даже не встану!

— Ну хотя бы модель попробуйте.

Господи, сроду не вставала на такие каблучищи — разве что в ранней юности. Как бы голова не закружилась от высотной болезни. Глеб с интересом наблюдал за моими мучениями. Развлекался. Ах ты...

Мне не подходило решительно ничего — ни цвет, ни каблук, ни размер; пятка терла, взъём хлюпал, палец жало... Я всю вошла в роль избалованной дамочки, которую хлебом не корми, а дай показать ее изысканный вкус и не менее изысканную стервозность. Притомившаяся пиранья улыбалась уже с явным усилием. Я все ждала, когда же кончится ее безграничное терпение, но единственное, что она себе позволила, притаскивая очередную партию коробок, было:

— Сложная нога у вашей...

Она кинула на меня оценивающий взгляд, не зная, какой статус мне присвоить. Выкрутилась:

— ...вашей дамы.

Глеб, склонив голову набок, рассматривал очередную пару туфель.

— Красивые у нее ноги... Вот!

Я и сама видела, что 'вот'. Никогда бы не подумала, что нога на таком каблуке может просто 'спать'. Я подтянула подол юбки, любясь красотой и длиной своих ног. Перехватила одобрителный взгляд Глеба.

— Сколько? — спросил он, не сводя с меня глаз. Пиранья дала ответ, и я мгновенно спустилась с небес на землю. Стала грустно разуваться. Душа плакала. Мельком глянула на зрителей и не поверила своим глазам — Глеб неторопливо отсчитывал деньги. Я махом нырнула в свои старые туфли и подлетела к ним.

— Девушка, мы подумаем... Глеб!

— Думайте, — с досадой сказала пиранья, отступая под моим напором. — Но учтите — модель эксклюзивная, осталась последняя пара...

— Пошли! — я буквально вытолкала Глеба на улицу.

— Так эксклюзивная или последняя пара? — озадаченно спросил меня Глеб. — Я что-то не понял...

Я отмахнулась.

— Да они всегда так говорят! Вы что, с ума сошли?

— Почему?

— Вы представляете, сколько времени я бы отдавала вам долг? Да спрячьте вы, наконец, деньги! Вы что, каждое утро прогуливаетесь с такой сумасшедшей суммой?

Серьезно приглядываясь ко мне, Глеб засовывал кошелек во внутренний карман куртки. Вдруг усмехнулся:

— Другой вариант вам, конечно, и в голову не мог придти... Хоть шоколадку вы от меня не откажетесь принять?

— Причем не шоколадку, а шоколадищу!

Глеб кивнул и отошел к киоску. Я наблюдала за ним. Какой-токой другой вариант? Подарок? Ну ни фигя себе подарочек в несколько штук от практически постороннего мужчины — не могла же я его принять? Я задумалась. Или могла?

Глеб вернулся с шоколадкой и двумя морожеными.

— Спасибо... да куда мне столько?

— Кроссвордистам нужны мозги, а мозгам нужна глюкоза, — наставительно сказал Глеб. — Ешьте.

Мы брели по улице. Народу было немного — то ли отсыпались в выходной, то ли не доверяли прояснившейся ненадолго погоде. Глеб, откусив мороженое, вдруг перестал жевать, заворачивая голову на очередную витрину. Я увидела фигуристый манекен, наряженный в обалденное женское белье, и мгновенно представила, как шеф врывается в магазин с радостным: 'Нам, пожалуйста, трусики сорок шестого размера, бюстгальтер 70Б! И уцепив его пальцем за карман куртки, осторожно потянула прочь. Глеб обернулся, улыбаясь с притворной невинностью — похоже, и у него перед глазами стояла такая же картина.

— Просто гулять, да? — передразнила я его. — Без цели, без магазинов?

Глеб хмыкнул с сожалением.

— Ладно. Ну их, эти магазины, хотя я там давно не был....

— Да что вы? — поразилась я. — Как же вы обходитесь — без женского-то белья?

Он уныло втянул голову в плечи.

— Плохо... Как вам у меня?

Отламывая очередную дольку шоколада, я глянула на него — Глеб сосредоточенно откусывал белыми зубами коричневое мороженое.

— Интерьер или... прием? — осведомилась я.

— Вообще, — твердо сказал Глеб.

— Мне понравилось.

— Интерьер или прием?

— Как вы нас встретили. Вы были таким...

— Ошарашенным?

— Подготовленным. Зубные щетки, халаты...

Теперь я щекой ощущала его внимательный взгляд. Глеб сказал медленно:

— Ну, вы у меня не первые гости...

И эти гости, вернее, гости частенько остаются на ночь, судя по содержимому его прикроватной тумбочки...

— Я бы на вашем месте так бы поперла незваных гостей...

— Ну что вы, — вежливо возразил Глеб. — Вы тогда тоже встретили меня вполне радушно. Кофе, сыр...

Я чуть не застонала.

— Не напоминайте! Я так растерялась...

— Да, а я и не заметил! Хотя я вам помешал гораздо больше, чем вы мне вчера.

— Да не помешали вы нам... мне, сколько раз говорить! Ой, у вас мороженое потекло!

Глеб отставил руку со стаканчиком, оглядывая куртку.

— Ну вот...

Я искала носовой платок — господи, хоть пришивай их к каждому карману, куда они вечно деваются! Глеб уже достал свой, пытаюсь одной рукой вытереть пятна.

— Дайте я. Придете домой, сразу замочите... это мороженое, я вечно в нем до ушей...

Я ощутила на затылке осторожное теплое дыхание. Подняла глаза — Глеб смотрел на меня сверху вниз сквозь ресницы, слегка улыбаясь. Я поспешно отшагнула назад, сунула ему в руку скомканный платок.

— Вот...

Глеб вдруг подмигнул мне серым веселым глазом и подхватил языком вновь потекшее мороженое.

— Вы меня почему-то все время пытаетесь накормить! — обвиняюще заметила я.

Каким-то образом мы умудрились прошагать несколько кварталов, по пути благополучно не заметив ни одной остановки, когда Глеб вдруг вспомнил, что он еще сегодня не ел и затащил меня в кафешку. Сам-то он сейчас неспешно отщипывал бутер и потешался, глядя, как я пытаюсь выбрать из кошмарного количества пирожных, которые мне наказыывал. Наконец я схватила 'воздушное', разломала пополам и, откусив, воскликнула:

— Я поняла!

Глеб вздрогнул.

— Что?

— Вашу страшную тайну!

Глеб огляделся, отодвинул тарелку и перегнулся ко мне через стол. Предупредил вполголоса:

— Только тихо! Какую из них?

— Вы любите толстых женщин! — я проглотила последний кусок и победно уставилась на Глеба.

— Уф! — сказал он, вытирая лоб. — Не знаю, как вы меня раскусили... Только, ради Бога, никому!

Я важно кивнула, берясь за следующее пирожное. Трубочка.

— Потому-то вы и откармливаете всех знакомых женщин! Хотите довести их до своего идеала, да?

— Ну, положим, откармливаю я только вас! Мне нравится смотреть, как вы с ними расправляетесь.

— Смотрите, подавлюсь.

Я задумчиво оглядела заварное: справлюсь?

— Не спешите, — посоветовал Глеб. — Никто нас отсюда не гонит. Еще кофе?

— Ага...

Я посмотрела, как он идет к стойке, и перехватила заинтересованные взгляды двух молоденьких девиц за соседним столиком. Подумала злорадно: а вот не обломится вам сегодня! Хотя в другое время... Я вздохнула — свежие рожицы, ноги от ушей, едва прикрытые 'мини' — черт, а ведь уже не рискну одеть, хотя ноги у меня в полном порядке. Да, время идет... Причем не просто идет, а проходит мимо.

Так что, когда Глеб вернулся, настроение у меня было уже аховое.

— Над чем задумались? — спросил он, ставя чашки.

— Да так... может, и вправду потолстеть? Начну больше нравиться мужчинам...

Глеб криво усмехнулся.

— Вот только не говорите, что вам не хватает мужского внимания!

— Хватает, — проворчала я. — Да не того.

Он взялся за ложку.

— Вы про замужество? А почему вы хотите замуж?

Я растерялась.

— Ну, как... Положено.

— Кем?

— Выйти замуж — это как знак качества получить, — объяснила я, — даже если ты через три дня разведешься. А так — будь у тебя хоть пятьсот поклонников и живи ты с ними в счастье и богатстве, все равно останешься для окружающих безнадежной старой девой.

Мои вполне серьезные размышления вызвали у него улыбку.

— Значит, вы хотите замуж из-за общественного мнения?

Я кивнула.

— Естесс-но. Нам же это с детства внушают. Вот как бы вы отнеслись к тому, что женщина может себя неплохо чувствовать и без семьи? Ведь не поверили бы, так? Ну вот и я не верю. Хоть и сияющих счастьем замужних баб тоже что-то еще не встречала...

Я смолкла, уныло глядя на Глеба. У него дрожали губы — но уж явно не от сдерживаемых сочувственных слез.

— А вам не кажется, что это звучит... не очень-то оптимистично?

Я пожала плечами.

— Уж такая я... пессимистичная оптимистка...

— Кто-кто?

— Ну, знаете, кому всегда чего-то не хватает: зимою лета, осенью — весны... Хотя, конечно, скорее чего-то в голове... А почему вы развелись?

Не так уж много, по-моему, было там сахара, чтобы так долго его размешивать... Я уже думала, что Глеб промолчит, но когда он посмотрел на меня, раздражения в его взгляде не было.

— Думаю — из-за меня.

— Из-за вас?

— Я тогда очень много работал... то спад, то подъем... приходил домой только ночевать, да и то под утро. Конечно, не самая лучшая семейная жизнь. Когда жена устраивала сцены, страшно злился — ведь я же все это делал для них... для нас. Знаете, как-то забывал, что жене нужен муж, а сыну отец, а не только деньги, да и какие там деньги-то были...

Он помолчал.

— Я ведь сейчас с Антохой вижусь чаще, чем тогда.

— И что дальше? — осторожно спросила я.

Глеб пожал плечами.

— Ну, это я теперь... такой умный. А тогда ей не хватило терпения, мне — понимания или... желания понять... Сейчас, я думаю, все было бы по-другому.

Он отхлебнул уже, наверно, заледеневший кофе.

— Не зарекайтесь, — 'успокоила' я его. — Я столько раз думала, что поумнела, а потом — хась, и на тебе — опять все то же самое!

Глеб рассмеялся.

— Да уж, умеете вы утешить!

— А надо? Хотите найти свою половину?

— Предлагаете свои услуги? В качестве половины или в качестве свахи?

— А что? — оживилась я. — Хотите, познакомлю? Вот такая девчонка! А если не понравится...

— Стоп-стоп-стоп! Лучшая реклама — положительный результат. Когда мы увидим результат ваших поисков?

— Еще при этой жизни! — уверенно пообещала я. — По закону диалектики количество однажды перейдет в качество... Вам не кажется, что как-то подозрительно темнеет?

Глеб оглянулся на окно. Сказал голосом Пятачка:

— Кажется, дождь начинается!

Я глянула на часы и виновато сморщилась.

— Не хотела вас забалтывать до такой степени. Может, уже пойдем? А то при вас ни зонта, ни плаща.

— Не сахарный... — Глеб полез в карман за деньгами — тут же подлетела официантка. Мне бы пришлось семафорить ей часа два. Есть же люди, которые всегда заметны... Интересно, это у них от природы или они курсы какие специально проходят?

— И упакуйте с собой пирожные.

Так, завтраки в течение недели мне обеспечены.

На улице ощутимо похолодало. Глеб наполовину застегнул куртку, деловито огляделся.

— И что в следующем номере нашей программы?

Я с надеждой уставилась на него. После еды у меня мощно работает пищеварительный процесс и полностью отключается мыслительный. Кроме посещения зоопарка я предложить уже ничего не могла. Но все же следовало быть тактичной.

— А разве вам не пора домой?

— Домой? Что я там забыл?

— Ну... там у вас Буров. И Галя.

Глеб посмотрел на меня, и я пояснила:

— Гости.

Он пожал плечами.

— Сергей знает, как у меня дверь закрывается. Вам холодно?

Даже если б у меня зуб на зуб не попадал, черта с два бы я ему это сказала — а вдруг он тоже проявит тактичность и отправит меня домой? Туда мне совершенно не хотелось, как не хотелось, чтобы наступал понедельник, когда все станет на свои места.

Глеб протянул руку.

— Давайте ваши пирожные!

Я опасливо отдала коробку.

— А вам можно доверять?

— Можно — в отношении пирожных. Так куда идем?

Я смотрела на него преданно. Предложи он мне сейчас пойти пересчитывать все мусорки в округе, я бы согласилась, ни секунды не раздумывая. В общем, я слегка свихнулась. Вернее, свихнулась больше обычного, поскольку это было моим постоянным состоянием.

Он перестал глазеть по сторонам и посмотрел на меня — опять получилось снизу вверх — странное ощущение, словно он действительно во мне нуждался. Зависел от меня.

— Идемте?

— Куда?

— Провожу вас домой.

— Это далеко.

— Я в курсе. Устали?

— Нисколько.

Мы вновь побрели по потемневшей улице — больше помалкивая, словно уже наговорились впрок, так что молчание казалось необременительным. Ощутимо холодало — будто там, за облаками, кто-то спохватился и, спеша наверстать упущенное, готовился наслать на нас вместе с дождем еще и снег.

Дошли как-то слишком быстро. Лифт — о, чудо! — работал. Глеб нажал на кнопку — надо же, только сейчас заметила, что и живу и работаю я на четвертом этаже! В тесном пространстве лифта казалось, что Глеб стоит слишком близко, я бы даже сказала, интимно близко. Когда лифт, наконец, остановился, я осторожно вздохнула.

— Вижу, сделали свет? — сказал Глеб обыденно. Я отмахнулась.

— Ненадолго. Завтра с утра опять в темень.

Я искала ключи — когда у меня в сумке порядок будет?

— Не страшно? — спросил Глеб.

— Что?

— Опять в темень?

— Страшно. Сейчас всего боишься — темноты, мужика в лифте, заболеть, потерять работу...

— Последнее вам пока не грозит, — сказал Глеб с холодком.

— Что? — рассеянно спросила я, продолжая рыться в сумке.

— Потеря работы.

Я вскинула глаза и испугалась.

— Я не имела в виду... куда же они девались?

Не будь здесь шефа, я бы от злости все вытряхнула на пол.

— Может, вы их забыли? — подсказал Глеб.

— Не должна была... Где?

— Ну, не знаю, — Глеб неторопливо пригладил влажные волосы. — На работе, в машине, у меня... Пойдем искать?

— Смейтесь-смейтесь... Ага, вот они!

Я вставила ключ до половины — он застрял. Подергала туда-сюда и сообразила, что ключ от нижнего замка. Выдернула — и, промахнувшись мимо замка, уронила всю связку на бетонный пол.

— Дайте я, — мы чудом не столкнулись лбами, как в комедийной мелодраме. Глеб легко, будто заправский взломщик, открыл мою дверь и картинным жестом протянул покачивающиеся на колечке ключи.

— Прощу!

— Спасибо...

Я нерешительно крутанула на пальце ключи, глядя в темноту квартиры. Подняла глаза и вспыхнула — Глеб стоял, упершись рукой в стену, и с улыбкой наблюдал за мной.

— Думаете кинуться на прощание на мою мужественную грудь?

Я неловко засмеялась — не очень-то приятно, когда видят насквозь все твои терзания.

— Что-то в этом роде! До завтра?

— Наташа.

Я замедленно обернулась. Глеб сказал — уже без улыбки:

— Я действительно рад, что вы вчера приехали.

— Я тоже, — осторожно сказала я.

Глеб протянул руку, провел большим пальцем по моей щеке, губам...

— До завтра!

Повернулся — и нет его. А я прислонилась спиной к косяку — полное впечатление, что меня крепко поцеловали на прощание. А он и хотел... И я...

О, господи ты, боже мой!

Обычно одеваюсь я на работу по облегченной программе — то есть протягиваю утром руку в шкаф и хватаю первую попавшуюся вещь — не слишком мято, не слишком грязно, вот и ладно. Но сегодня моему гардеробу был устроен генеральный смотр. Спустя полчаса я стояла посреди разбросанных тряпок, уныло оглядываясь: все было или мало или большо, не того цвета, не такого фасона, все давно вышло из моды — причем не только моей, но и моды моей бабушки — и вообще, где только были мои глаза, когда я все это покупала! Нет, надо решительно обновлять гардероб — хотя бы по одной вещи в полгода, но стильной и хорошего качества. Вот только туфли куплю... А если надеть этот пиджак и джемпер? Приложила их к груди и уставилась в зеркало, на себя, стоящую голышом среди вороха разбросанной одежды с горящими щеками и лихорадочными глазами... Я пришла в себя и ужаснулась. Я что, совсем?!.

Безжалостно, комом, запихнула вещи обратно в шкаф, выбрав назло себе и миру самое унылое, самое широкое, серо-зеленое платье — еще чуть длинней рукава — и готова смирительная рубашка для сумасшедшего дома. Я вполне для него созрела.

А потом чуть ли не всю ночь маялась в постели, злобно ворочаясь с боку на бок. Наконец не выдержала, встала, накинула халат, и, сев на кухне, закурила. И докурив, поставила себе диагноз:

Дорогая моя, ты сошла с ума.

Милая моя, это просто неприлично, в твоём-то почтенном возрасте.

Идиотка несчастная.

Ты влюбилась.

И с этим успокаивающим диагнозом отправилась обратно в постель.

Разумеется, по закону подлости, уснула я крепко-накрепко к самому звонку будильника и этот самый звонок приняла просто за какой-то надоедливый писк. Подбросило меня на кровати почти на полчаса позже. Господи, боже ты мой, только не сегодня! С понедельника начнешь...

Если б кто видел, как я подкрадываюсь к месту работы, явно бы решил, что я — террорист, посланный подорвать милый Глебу Анатольевичу Пахомову офис по программному обеспечению. Я постояла у двери родного кабинета, вся превратившись в слух и чуть ли не принюхиваясь. Голоса Глеба не было слышно. Но он мог и молчать, ведь так? Я приоткрыла дверь и просочилась в узкую щель, подобно сквозняку или привидению.

— Приветик, — буднично сказал Буров, не отрывая глаз от экрана. Тетки поздоровались вразнобой. Я добралась до своего места, разделась, переобулась и попробовала заняться своими обязанностями.

— Дырка будет, — сказал Буров.

— А? — я непонимающе глянула на него и сообразила, что уже полчаса стираю пыль со своего так и не включенного компьютера.

Глеб все не являлся. То его черти спозаранку приносят, а как ждешь-пождешь — нет его. Я сначала вздрагивала от каждого шороха, а потом, наконец, наружу полезла здоровая злость — на себя, на него, на спокойненьких сотрудников, на шизофрению, которую люди почему-то называют любовью.

Несколько раз я ловила на себе задумчивые взгляды Галочки. Таня поглядывала тоже как-то странно, да и Буров пару раз мне мило улыбнулся, что для него с утра было совершенно немисливо. Или все это оттого, что у меня мозги набекрень, и со стороны это очень заметно?

К обеду я осмелела настолько, что смогла выбраться из-за спасительного прикрытия компьютера и пойти прогуляться в дамскую комнату. Когда я оттуда выбрела, на подоконнике восседала Галочка, скрестившая свои стройные ноги, и задумчиво курила.

— Будешь? — она профессионально выщелкнула из пачки длинную сигарету. Вообще-то я почти не курю, но разговора было явно не избежать, и я молча приняла сигарету. Галочка затаилась и стала смотреть на меня сквозь рассеивающуюся ароматную дымку. Смотрела она

так, словно была опытной портнихой и снимала мерку с моего лица, фигуры, ног... Бедняга пыталась найти во мне то, чего не хватило ей для обольщения нашего шефа. Наконец, устав искать то, чего нет, она спросила:

— И давно вы с Глебом?..

Я неспешно и красиво выдохнула дым — ну просто женщина-загадка! — и сказал неопределенно:

— Ну-у, как тебе сказать...

Зоркие галочкины глаза сощурились.

— То-то я смотрю, он к нам зачастил. Я-то думала...

Она не договорила, но и без того было ясно — Галочка была твердо уверена, что если и стоило из-за кого приходить в наш отдел, то только из-за одного человека — нее. Я поглядела в пол и задумалась: а ведь, и вправду, с какой стати Глеб в последнее время то и дело у нас ошивался? Я-то, как девушка серьезная, полагала, что он контролирует производственную дисциплину и качество работы...

— И как же это вы... у вас получилось?

Галочка все-таки не смогла скрыть своего недоумения. Я улыбнулась ей — как можно мягче и сочувственней.

— Да вот так и получилось...

Мои бестолковые ответы были восприняты ею как натуральное издевательство. Галка слезла с подоконника, поправила юбку и сказала неприязненно:

— Могла бы, между прочим, и предупредить. А то мы с ног сбились, все тебе неженатиков ищем...

Сама Галка 'отыскала' мне всего-навсего одного кандидата — конченого алкоголика, который ей ни в каком качестве уже не мог пригодиться. Благодарю покорно!

— Только учти, — закончила она совсем ядовито. — Птица-то не твоего полета...

И торжественно вымаршировала вон.

Так, похоже, была у меня приятельница, а теперь — увы... А еще говорят, причина всех раздоров — женщина. Ладно, переживем.

Я все еще переживала, когда в дверь проскользнула Таня. Поглядела на меня с высоты своего роста и сказала застенчиво:

— Как погуляли?

Я подавилась дымом.

— Н-ничего...

— А Глеб Анатольевич ничего не говорил?

— О чем?

— Обо мне?

Я молчала, соображая, с чего это мы должны были проводить время в беседах о Татьяне.

— Ну, я слегка перебрала... — пояснила она.

— Да? А никто и не заметил. Знала бы ты, как я наклюкалась!

Правда, не стала уточнять, что наклюкалась я на несколько дней раньше.

— Значит, все нормально? Он не очень сердился, что мы так к нему нагрянули?

Я великодушно отмахнулась от нее сигаретой.

— Да все нормально! Мужик с понятием...

Татьяна с облегчением раз улыбалась.

— Ну, слава Богу! А то я весь выходной переживала!

Так, еще один раб субординации... Успокоенная Татьяна ушла, а я уселась поудобнее и стала смотреть на дверь. Очередь Нины Дмитриевны. Но Нина Дмитриевна — железная женщина — для беседы по душам все не являлась, и, заскучав, я выбрела в коридор. По коридору фланировал Буров. Я попыталась отступить на исходные позиции, но была замечена и схвачена.

— Ага, — сказал Буров. — Закурить есть?

— К Гале, — коротко сказала я.

— А ты что, бросила? У Глеба заразилась?

Так. Если еще раз услышу в ближайшее время это имя, размозжу кому-нибудь голову. Буров, не подозревающий о нависшей над ним опасности, бодро сказал:

— Чего такая мрачная? Пошли в столовую, тетки уже очередь заняли.

Столовая у нас вполне приличная — всего много и вкусно, и не слишком дорого — потому народу здесь вечно выше крыши. Вовремя не успел — стой и жди.

Таня замахала нам уже от самой раздачи.

— Идите скорее! Они занимали... А я говорю — занимали!

Мы поднырнули под ограждение. Буров уже орал: "Куда понесли пироги!" Я почувствовала ладонь на своей спине, посторонилась и оглянулась.

— Можно мне с вами? — спросил Глеб. Я кивнула с солидным запозданием, шеф поставил поднос и стал глубокомысленно изучать меню. Я пялилась на салаты, не в силах из-за расстройства сосредоточиться на выборе. Наконец схватила тот, что поближе, и двинулась вслед за Буровым.

— Глеб Анатолич, — сказал тот над моей головой. — Ты мою «Сигму» смотрел?

— Смотрел.

— И чего?

— А ничего. Придешь, я тебя носом ткну.

— Где?!

— После обеда.

— Нет уж, давай сейчас!

Они переговаривались над моей головой и я, наконец, смогла как следует вздохнуть и поменять молочный суп, который терпеть не могу, на солянку.

— Лопнешь! — вдруг сказал Буров. Я опустила глаза на свой заставленный тарелками поднос. Господи, когда я успела все это набрать?

— Не слушайте его, Наташа, — сказал над моим ухом шеф. — Ешьте, сколько хочется.

Буров широко ухмыльнулся.

— Ну, конечно, дело вкуса...

Я чуть не ткнула его вилкой в бок. Осторожно скосилась на Глеба. Тот, слегка улыбаясь, рассматривал содержимое своей солянки. Могу, конечно, ткнуть и вправо...

— Глеб Анатольевич, садись с нами.

— Да места нет...

— Потеснимся, — Буров сдвинулся, и мне — делать нечего — пришлось пересесть. Глеб еще раз озабоченно оглядел столовую, проигнорировав пару свободных мест, уселся со мной рядом. Аппетит у меня пропал окончательно. Зато шеф, похоже, чувствовал себя в своей тарелке — переговаривался с Буровым и тетками, ел, то и дело касаясь меня то плечом, то бедром — разумеется, совершенно случайно, но моему воспаленному воображению так не казалось. Почти доев гуляш, я обнаружила, что он недосолен. Потянулась за солонкой — Глеб, не прерывая рассказа, подал ее мне. Похоже, он все-таки замечал, что творилось у него под левым боком. Я перемешала гуляш, попробовала и сморщилась.

— Пересолили? — тут же спросил Глеб. Я молча кивнула и тихо, левым краем рта, зарычала на Бурова, философски заметившего:

— Что ж поделаешь — любовь...

Мне позвонили к вечеру. Приятный мужской голос.

— Наташа? Здравствуйте. Это Алексей.

— Здравствуйте. Какой?

— Мне ваш телефон Аня дала. Ваша знакомая. Сказала, вы согласны встретиться.

— Да? — я поднапрягла память: что-то там Анька такое говорила — пару месяцев назад...

— Давайте встретимся после работы на часок-другой? Мне в ночную, немного пройдемся, поговорим...

Я молчала, соображая. Да провалитесь вы, Глеб Анатольевич, с вашим спорами-договорами! И вообще — клин клином вышибают.

— Хорошо. Встречаемся у «Весны», знаете?

Я положила трубку и воровато оглянулась — словно шеф стоял за моим плечом и, как в старой сказке, воздевал палец: " Должно-ок!"

Алексей и вживую оказался приятным — и по внешности и по манере общения. Он сразу выдал мне информацию, которая, по его мнению, могла меня интересовать: работа, развод, дочка, не видится — у бывшей другой муж, квартира небольшая, но есть... Про меня в том же объеме он уже знал, приглядывался, и, судя по всему, противной я ему не казалась. Так, болтая о том о сем, мы не спеша добрались до моего дома.

— Лучший друг человека — диван и телевизор! — заявил Леша.

— Не только.

Леша подумал и уступил:

— Ну, еще пиво.

— Ну уж нет, не согласна! Так и прикипеть к дивану можно. Надо куда-нибудь выбираться, ходить — в кино, на выставки, в театры... А ты что по телевизору любишь смотреть?

— Все...

— Вот мой дом.

Он поглядел.

— Ясно.

— Ну, — я махнула рукой в ожидании его следующего шага. — До свидания?

— До свидания, — согласился он и умолк. Я решила, что человеку нужно как-то помочь.

— Ну и?..

— Да у меня на тебя никаких денег не хватит, — сказал Леша, повернулся и исчез в таинственных городских сумерках. А я осталась стоять с открытым ртом. Так. Похоже, незаметно для себя я перекочевала в категорию дорогих женщин. Вообще-то, насколько я помню, билет в кино стоит столько же, сколько бутылка хорошего пива. Или он так давно не отдирал задницу от своего любимого дивана, что для него поход в кино равнозначен посещению дорогого ресторана?

Ну и ладно. Не очень-то хотелось. Нервно хихикая, я добралась до своей квартиры, переделась

и остановилась средь, деловито оглаживаясь. Так, и чем же мы сегодня займемся? Для начала — ужин. Хороший. Основательный.

Часа через два я лежала с полным животом на диване и благодушно поглядывала по сторонам. Благодаря заботливому шефу у меня появилась масса свободного времени, и дел громадье взирало на меня со всех углов, ожидая, когда же я все-таки за них примусь. Строя грандиозные планы по переустройству своего быта, я незаметно задремала.

Звонок. Очнувшись, я укоризненно поглядела на телефон: отвлекаешь от таких важных мыслей! — но все же взяла трубку. Сказала лениво:

— Алло-о?

— Добрый вечер, Наташа.

Встрепенувшись, как старый боевой конь, я села на диване.

— Добрый вечер, Глеб Ана...

— Глеб.

— Глеб...

— Ну и как же так? — укоризненно сказал он. — Мы же с вами договаривались! Не умеете держать слово?

— Да мы с ним... — проямлила я беспомощно. — Мы с ним давно должны были встретиться... понимаете, неудобно было отказываться... А вы откуда знаете? Вы что, следили за мной?!

Он с удовольствием засмеялся:

— Как вас, оказывается, легко поймать! Сказал наобум — и попал в точку. И как свидание?

— Да никак...

— А что так?

Я подумала. Пожаловалась:

— Мужик нынче пошел ленивый — сам не любит ухаживать, а вот наоборот...

— Это точно! — охотно поддакнул Глеб. — А как вы хотите, чтобы за вами ухаживали?

Я растерялась.

— Ну... как обычно.

— А, цветы-конфеты-рестораны?

— Можно, конечно, еще и бриллианты, но в последнее время что-то никто не дарит...

— И не скучно?

— Нет! — твердо сказала я. — Мужчинам, может, и скучно, а нам — нет! Так женщина чувствует, что ее любят, что ее ценят...

— А иначе вы, конечно, не почувствуете? А вы бриллианты любите?

Я задумалась.

— Заочно. Я вообще многое заочно люблю. Очно как-то не получается.

— А что вы любите очно? Кроме шоколадных конфет, конечно.

— Спать, — не задумываясь, отозвалась я.

— Это вы к тому, что уже поздно?

— Нет! — испугалась я. Я обнаружила, что когда Глеб находится от меня вдали, я чувствую себя гораздо свободнее.

— Итак — есть, спать?..

— Собак и кошек. Некоторых людей. Мужское внимание. Солнце. Старые фильмы...

— Неужели и фильмы? — я услышала, что Глеб улыбается. — Какое совпадение!

Я поджала под себя ноги. Сказала осторожно:

— Я вообще-то долго еще могу перечислять...

— А я никуда и не тороплюсь.

— Вам, наверное, сейчас скучно?

— Скучно. Без вас.

Сердце мое екнуло. Ну, нет, знаем мы эти фразы...

— Я тут сейчас походил по квартире — подумал, может, вы что-то оставили...

— Как обычно, — подсказала я.

— Ну да. Был бы повод приехать.

У меня пропал дар речи. Глеб позвал встревожено:

— Наташа! Вы еще здесь?

— Тут, — я кашлянула. — Приехать... мне к вам? Или вам ко мне?

— Как хотите, — серьезно сказал Глеб.

Так. Доболтались. Я молчала — так тупо, так увесисто, так кирпично-каменно, что никакая шутка, никакая легкая фраза типа "Ну и приезжайте!" не могла пробиться сквозь толщу этого мощного молчания. Глеб это понял. Сказал осторожно:

— Наташа?

Да, хотела сказать я. Да, только я впала в свой любимый детский ступор: в юном возрасте была я жутко застенчива, и стоило понравившемуся мне парню как-то проявить внимание, как я

каменела, немела, и даже, кажется, переставала дышать... С тех пор меня клинит куда как редко... Хотя и метко.

— Наташа? — вновь позвал Глеб.

Я откашлялась.

— А?

— Мы еще не выяснили, что вам не нравится, — обыденно продолжал Глеб. — Наверное, идиоты в первую очередь?

— И они тоже... — промямлила я.

— Я так и понял, — серьезно сказал Глеб. — Спокойной ночи.

Я поглядела на запикавшую трубку. Сказала уныло:

— И никакой вы не идиот...

Посидела еще, обхватив колени руками. Время шло, настроение падало. Я поглядела на часы — полдвенадцатого. Самое время звонить Светке — пусть проводит реанимационные работы...

Светка — это таран. Это асфальтовый каток, пугающий своей целеустремленностью. На любом этапе жизни она твердо знает, чего хочет, и, в отличие от большинства из нас, знает, как этого добиться. Очень энергичная, завораживающая своей деловитостью — если, конечно, ты сам не попал под этот ее каток...

— Я влюбилась, — сообщила я безо всяких предисловий.

— Опять?

— Что значит — опять? — обиделась я. — Я влюблялась целых два года назад!

— Помню-помню, ходил к тебе женатый, все на жену-стерву жаловался да клялся развестись!

Я вздохнула.

— Ошибки молодости...

— А теперь типа поумнела? Алкаш, поди?

— Нет.

— Зэк?

— Нет.

— Голубой, что ли?

— Светка, ты что, совсем?!

— А то я тебя не знаю... — проворчала наша разумная. — Ну и кто он?

Я вздохнула:

— Мой начальник...

Пауза.

— Ты рехнулась? — с опасливым любопытством спросила Светка.

— А что? — гордо ответствовала я.

— Я тебе сколько толковала про служебные романы, а? Предупреждала я, ну скажи, предупреждала?

— Предупреждала-предупреждала.

— Говорила, что это только сначала все сладко да гладко, а потом, как наскучишь?..

— Говорила.

— Работу хочешь потерять?

— Не хочу.

Светка поразмышляла.

— Женат?

— Нет.

— Ну, еще куда не шло — а то бы она тебе задала жару! За таких мужиков знаешь, как держатся? Хотя, извини, конечно, задачу тебе это никак не облегчает... Надо реально оценивать свои шансы, сколько раз тебе говорила!

В этом они с Галочкой сошлись... а еще подруга называется!

— Спали уже? — по-деловому осведомилась Светка.

— Нет... а надо?

— У-у-у... значит, это у тебя всерьез и надолго! Он хоть за тобой ухаживает? Или это у тебя безответно и беззаветно?

— Ну как... Не знаю... Вроде как...

— Что значит — "вроде как"? — расвирепела Светка. — Да или нет?

— Да откуда я знаю?

Светка с минуту переваривала выдавленную из меня информацию и выдала свое резюме:

— Кино, конфеты, мороженое, два ужина — и ты за ЭТО втюрилась?

Я покорно вздохнула. Вот такая я дура... Конечно, надо было подождать, пока мне подарят две натуральные шубы и серьги с бриллиантами...

— Короче, — деловито сказала Светка. — Эту дурь из тебя надо выбивать!

— Выбей, а? — с надеждой попросила я.

— Замуж хочешь?

— Хочу!

— Завтра пойдешь на свидание. Мужик хочет жениться, ты ему подойдешь, мозгов у него на двоих хватит... Позвонит тебе в девять ноль-ноль. Не вздумай завтра опоздать. И не финти! Все. Спи спокойно.

— Ага, — послушно отозвалась я. Положила трубку и упала на диван. Нет, хорошо все-таки иметь таких подруг! Так, глядишь, и я поумнею...

Годам к девяноста.

Я выскочила из подъезда, воюя со своим зонтом, и только подлетев к краю тротуара, узрела перед собой знакомый «мерс» с открытой дверцей.

— Доброе утро! — сказал Глеб.

— А что это вы здесь делаете? — ошалело и потому невежливо спросила я. Глеб поглядел по сторонам, словно пытаюсь сориентироваться, и сообщил доверительно:

— Сижу в машине. Можете тоже присесть.

— Зачем? — подозрительно спросила я.

Глеб демонстративно посмотрел на часы.

— Мне кажется, или вы опять опаздываете на работу?

Я оттянула рукав и подставила свой под свет подъездной «кобры», хотя и без того знала сколько времени.

— Не кажется, а точно... Нам, случайно, не в одну сторону?

— Пожалуй.

— Не подбросите?

— Ну, если вы так просите...

— Прошу-прошу, — я наконец нырнула в машину. — Правда, что это вы спозаранку делаете в нашем районе?

— Жду вас.

— Решили подработать частным извозом?

— Решил взять над вами шефство. Нельзя на один вечер одну оставить, сразу начинаете на сторону глядеть. Хоть позавтракали?

— Не-а... — я зевнула, зябко передернула плечами. — Кофе кончилось, а я вчера купить забыла. Теперь полдня буду бродить, как спящая красавица... Что это?

Глеб сунул мне маленький термос.

— От сердца отрываю. Берег для себя как последний патрон...

Я отвинтила крышку, вдохнула аромат НАСТОЯЩЕГО кофе, глотнула и, прижав термос к груди, уставилась на Глеба.

— Шеф, о вас будут слагать легенды!

— Пристегнитесь, — благосклонно сказал мой легендарный шеф.

Через короткое время мы вырвались на "оперативный простор" автострады. Я изредка отхлебывала кофе, жмурясь на дальний свет встречных машин. Глеб помалкивал, поглядывая на меня.

— Теперь я знаю, какой вы бываете по утрам, — сказал неожиданно.

Я завозилась на сиденье, чтобы поглядеть на себя в зеркало.

— Помню-помню! Темные круги под глазами... Что еще сегодня?

— Теплой, — сказал Глеб.

Я промолчала, потому что это замечание мне показалось до ужаса... эротичным.

Глеб развернулся возле конторы.

— Отдайте мой кофе. Держите.

— Что это?

Зажегся свет, и я обнаружила уютно устроившийся у меня в ладонях малюсенький горшочек с крохотным кактусом. На верхнем колючем шарике распластался красно-черный цветок, похожий на морскую звезду.

— Обалдеть! — сказала я. — Это что — кактус?

— Это букет.

— Мне?

— Вам.

— Мне никогда не дарили букет из кактусов. Спасибо.

— Рад, что я оригинален. Пожалуйста.

Продолжая держать кактус в обеих руках, я попыталась встать — после третьей неудачной попытки с интересом наблюдавший за мной Глеб отстегнул, наконец, мой ремень безопасности; я кивнула и аккуратно вышла из машины.

Глеб толкнул передо мной дверь, и я ввалилась в отдел вместе с кактусом и шефом. Торжественно промаршировала к своему столу, водрузила на него свой 'букет' и только после этого сказала:

— Здрасьте.

— Привет-привет, — пожимая руку Глебу, Буров не сводил с меня глаз. — Это что такое?

— Кактус.

— Бывает... — сказал Буров. — Глеб Анатолич, Михеев сегодня все-таки явится? Я же без него, как без рук!

Я неторопливо сняла плащ, причесалась, села и стала передвигать по столу кактус, выбирая ему подходящее место. Больше всего он походил на слепленного из репейника медвежонка. Вскинула взгляд — Глеб посматривал на меня из-за плеча Булова смеющимися глазами.

— Наташ, тебя, — сказала Галочка. Метнула взгляд в шефа и добавила, отчетливо понизив голос. — Приятный брюнет.

Я глянула на часы и чертыхнулась: девять ноль-ноль. Ну нельзя же быть таким пунктуальным!

— Да? Здравствуйте. Да, это я. Да, говорили. Сегодня? Где? Во сколько? А как я вас узнаю? А... Ну хорошо. Да. Договорились. До вечера.

Я положила трубку и осторожно поглядела на шефа. Тот задумчиво кивал на слова Булова, разглядывая пол под ногами. Руки в карманах, воротник поднят, отчего Глеб выглядел нахотленным и озабоченным. Кивнул последний раз и, не глядя на меня, вышел.

Я почувствовала себя брошенной.

— И как свидание? — спросила Таня, едва я только переступила через порог. Чтоб тебя, душа простая, вот же Глеб, сидит рядом с Буловым!

— Да никак, — привычно отозвалась я.

— Неужели не пошла? — преувеличенно удивилась Галочка. — На тебя не похоже!

Ах ты... стервочка. Глеб Анатолевич изволил повернуть голову и посмотрел на меня с подчеркнутым вниманием, приподняв брови. Да чего там! Что нам стесняться — все мы здесь большая дружная семья! Я неторопливо сняла плащ.

— Пойти-то я пошла...

— И что — не дошла? — осведомился Буров.

— Дошла — до ручки.

— Да не тяни ты kota за хвост! — возмутилась Нина Дмитриевна. — Рассказывай по-человечески!

Я вздохнула.

— Договорились встретиться у «Факела». Вы, говорит, меня сразу узнаете. У меня в руках газета будет.

— "Искра", поди? — фыркнула Галочка. — А в петлице — гвоздичка? Подпольщики!

— Нет, чтобы с букетом стоять! — вступила Таня. — Вот все вы такие, жмоты несчастные!

— А чего разоряться-то раньше времени! — возразил Буров. — Ты знаешь, сколько сейчас приличный букет стоит? А придет на «стрелку» вот такое вот...

— Что-о?!

— Не бей, это я не про тебя!

— То-то же! Ну, пришла я. Дай, думаю, постою на другой стороне улицы, погляжу на суженого... Нет как нет. Ну-у, думаю, начинается... Даже на первое свидание не мог прийти вовремя. Ладно, подожду, посмотрю, а то, может, и дорогу переходить не стоит. Стою, смотрю. И тут...

— Подъезжает белый лимузин, а из него... — подсказала Галочка. Глеб Анатольевич вдруг переменял позу — откинулся на спинку кресла, скрестив на груди руки. У отдела заблестели глаза. Я села поудобнее.

— Смотрю, неподалеку стоит мужик с газеткой.

— А гвоздичка?

— Бээ. Стоит и тоже на ту сторону пялится. Прямо рентгеном всех проходящих теток высвечивает... Ах ты ж, думаю, гад, так ты на меня со стороны хочешь посмотреть, решить — подходить-не подходить?!

Буров неожиданно заржал. Женщины взглянули на него с укоризной.

— Смотрю, — я развела руками, — господи, кроме газеты там и посмотреть-то не на что! Какой-то весь скукоженный, на голове кепочка задрипанная, плащ, наверное, молодости моего папы! Говорил, что ему сорок, а на вид — вообще полтинник с гаком! Врет и не краснеет! Или больной...

— И дальше что?

— А ничего. Плюнула да пошла.

— Дуры вы девки, дуры! — в сердцах объявила Нина Дмитриевна. — Все бы вам лимузины да смазливую морду подавай! Жить-то тебе с человеком, а не с кепкой! Подошла бы, поговорила, что тебе, убыло, что ли? Может, у него душа расчудесная!

— Ага, а что же он со своей душой расчудесной в засаде-то сидит? Тоже, поди, высматривал покрасивее! А подошла бы толстуха в очочках — так он бы в кусты!

— Ну не знаю, — задумчиво сказал Таня. — Если сразу не понравился... Мог бы, правда, и одеться поприличнее. Первая встреча все-таки. Встречают-то по одежке...

Галку больше волновал практический вопрос.

— Что говорить-то ему будешь, когда позвонит?

— А, может, не позвонит? — с надеждой сказала я.

Зазвонил телефон. Все замерли. Вот пунктуальность — девять ноль-ноль! Все опаздывают, все

люди как люди, а этот... как хрен на блюде. Глеб Анатолевич с каменным лицом взял трубку, послушал и любезно пододвинул телефон.

— Вас.

— Да? Спасибо... — я встала рядом со столом, щекой ощущая взгляд шефа. — Алло? Кто? Плохо слышно! Игорь? Какой Игорь? Ах, Игорь! Здравствуйте. Почему не было? Как это не было? Была! А вот где вы-то были? Вовремя? А где стояли? У «Факела»? ах, нет... А почему нет? Меня не видели? А я вас. Я, между прочим, подъезжала. Да, на машине. Посидела, подождала, вас нет... И уехала. Надо держать свое слово! Договорились — значит, договорились! А раз вы такой необязательный, мне тогда с вами и встречаться не хочется... Все!

Я положила трубку и выдохнула.

Галочка зааплодировала.

— Знай наших! Как ты его!

— Он хоть слово-то успел вставить? — довольно спросила Таня.

— Сказал — "ну и ладно".

— Да, лучший способ защиты — нападение! — Буров горестно взглянул на Глеба. — Вот так, Анатолич, они нас и...

Глеб молча показал мне большой палец.

— Между прочим, — сказала я в пространство, — не ближе ста метров...

— Ну, и как у вас дела? — отбушевав, спросила Светка. Я почувствовала благодарность: все-таки подруга...

— Да все так же...

— Что так же?

— Разговариваем.

— Господи, — опасливо произнесла Светка, словно услышав о поставленном мне тяжелом диагнозе. В принципе, так оно и было.

— Он, случайно, не...

— Не импотент, успокойся.

— А ты откуда знаешь? — с подозрением спросила Светка. — Ты же не проверяла?

— Ну... знаю...

— Значит, разговариваете... И все?

— Нет, — поспешила я ее обрадовать. — Он мне еще кактус подарил.

— Кактус? — переспросила Светка. — Кактус?

— Ну да, кактус. Цветущий. Цветок очень красивый, хотя всего один. Кактусы, говорят, редко цветут, приходится долго ждать...

— Он подарил тебе цветущий кактус, — медленно повторила Светка.

— Да.

— О господи, — сказала Света и отключилась.

Я была с ней полностью согласна.

— Ну все, — сказала Катька безо всяких предисловий. — Мы с Генкой подали заявление.

— Да?

Все, конечно, к тому и шло, но в данный момент я восприняла это как предательство. Люди встречаются, люди влюбляются, женятся. Мне не везет в этом так, что просто беда... Последняя незамужняя подруга была... Если не считать уже разведенных.

— Ну? — подождав, спросила Катька.

— Что — «ну»?

— Могла бы, между прочим, и поздравить!

— Поздравляю, — промямлила я. — Ты, поди, еще и в белом будешь?

— А то! Свадебные платья и на мой размер шьют!

— Будешь выглядеть, как тихоокеанский лайнер! — мстительно пообещала я.

Катька расхохоталась.

— Генка упадет! Я еще все в обтягон закажу, представляешь?

Я представила и поневоле тоже захихикала.

— Так что ждем вас двенадцатого в тринадцать ноль-ноль в центральном загсе.

— Сейчас запишу, а то память-то у меня девичья...

— Знаю-знаю, не помнишь, где была, кому дала...

— Так. Тринадцатого...

— Двенадцатого, балда!

— Я так и говорю... в тринадцать... А кого это — «вас»?

— Тебя и твоего любимого шефа. Глеб, кажется?

— А... Светка нажаловалась, да?

— Звонила. Два часа в истерике билась, что ты ее кандидата прокатила... Правда, что ли,

втюрилась?

— Ну, — угрюмо сказала я.

— А чего молчала?

— А я что, должна объявления на всех углах вывешивать, что ли?

— Она мне еще про кактус рассказала, — посмеиваясь, продолжила Катька.

За кактус я готова была стоять грудью. Я сама оцетинилась, как тот кактус.

— Ну и что? Тебе хоть раз в жизни дарили кактусы?

— Да успокойся ты! Мне даже розы ни разу не дарили! Расслабься, подружка, мы со Светкой посоветались и решили, что вы друг другу подходите. Два сапога пара!

— Ну, спасибо за благословение! Только никуда мы с ним не пойдем — не в тех мы, знаешь, отношениях, чтобы по загсам шастать.

— Сама, поди, мужика запугала! — безо всякого сочувствия заметила Катька.

— С чего это?

— Да знаю я тебя! Болтаешь, че попало, а он всерьез воспринимает. Шаг влево, шаг вправо — расстрел! Поди, и рот-то лишний раз открыть боится, не то, чтоб тебя коснуться! Цени! Редкий мужик прислушивается к женским глупостям...

— Это ты как замуж собралась такая умная стала?

— Да ладно, не злись! Завтра дома сиди, приду к тебе фасоны выбирать.

— Да куда я денусь!

Едва я положила трубку, как телефон вновь ехидно квакнул. А вдруг...

— Да? — осторожно сказала я.

— Привет, Натали! — радостно гаркнула трубка.

— О, господи! Юрка? Ты откуда?

Глеба в окрестностях подъезда не наблюдалось, чему я не особенно удивилась, но опечалилась. Добиралась до родимой работы не шатко не валко — опоздала всего на пятнадцать минут. Войдя в холл, увидела стоявшего у лифта шефа. Специально, что ли, подгадывает?

— Привет, — сказал он.

— Здравствуйте, Глеб Анатольевич, — покорно отозвалась я. Остановилась рядом и стала думать, что могу, в конце концов, добраться до четвертого этажа на своих двоих, но неудобно вот так поворачиваться к начальству задом...

Открылись двери лифта, и я шагнула внутрь. Глеб вошел следом, нажал кнопку моего этажа, повернулся и стал смотреть на меня. А я старательно глядела мимо. Глеб вышел первым, я —

следом — и едва не ткнулась носом в ему в грудь. Шеф стоял, загораживая путь к моему родному отделу.

— И кто у нас умер? — осведомился Глеб.

— Никто, — вздохнула я.

— Уже радуется. Я, к сожалению, не смог сегодня за вами заехать...

Я скосила на него глаз: не мог — или не хотел? Сказала уныло:

— Да вы и не обязаны...

Разговор увядал, не успев расцвести.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего... — вздохнула я еще горше.

— Не выпались?

Я пожала плечами.

— Плохо себя чувствуете?

— Скверно, как обычно.

— Вас кто-то расстроил?

— Наоборот.

Глеб хмыкнул.

— Наташа, мы можем простоять здесь весь рабочий день. Я ведь не отстану, вы не поняли? Итак, кто и чем вас так... обрадовал?

И чего прицепился? С какой стати я должна перед ним отчитываться? И вообще, какое ему дело до настроения его подчиненных, думала я, а мой длинный язык меж тем выдал:

— Глеб Анатольевич, а я замуж выхожу!

Я испуганно вскинула глаза. Шеф смотрел с прищуром. Иронии в его взгляде явно прибавилось. Огляделся, привалился плечом к стене, точно устраиваясь поудобнее для долгого разговора.

— И откуда ж тогда такая мировая скорбь? — осведомился ядовито. — Вы же, вроде бы, этого и добивались?

Я покорно покивала.

— И кто же этот... счастливчик?

Этот несчастный...

— Мой старый приятель.

— А где он пропадал все это время?

— Да он полтора года работал по контракту в Канаде... На днях вернулся.

— И сразу же сделал вам предложение?

— Он и раньше предлагал. Но так, вроде бы в шутку...

— А теперь, значит, остепенился? И вы согласились?

Я вновь уставилась на пуговицу его замечательного плаща.

— Знаете, такими предложениями женщины не разбрасываются... Он хороший парень, и с головой и со всем остальным все в порядке. И мы с ним неплохо ладим...

Я поймала себя на том, что оправдываюсь, и смолкла.

Глеб рассеянно смотрел перед собой. Вздохнул:

— Ну, я так и знал, что этим закончится!

Взглянул на часы и оттолкнулся от стены:

— Меня уже люди ждут. Я, наверное, должен вас поздравить?

— Спасибо, — горько сказала я.

— Не за что, — хмыкнул Глеб. Пошел к лестнице и оглянулся. — Вы ведь не обязаны сию же секунду бежать в загс или что-нибудь такое? До вечера проработаете?

— Ну... да. Конечно.

Глеб кивнул и умчался вверх по лестнице. Длинноногий.

Работой, конечно, это было назвать трудно: я сидела, вяло тыкая пальцем в клавиатуру, и размышляла над тем, что наконец-то сбылась моя мечта, а радости мне от этого не прибавилось. И подумать только — всего две недели назад я про Глеба и думать не думала. Нет, конечно, как мужчину я его замечала, но к себе и к своей жизни никак не примеряла — не настолько же я наивная. И дернул же его черт подвезти меня в прошлый понедельник! Жила бы себе припеваючи, ходила бы на дурацкие свидания, ни горя ни забот...

В конце дня Глеб сунул голову в дверь, кивнул на приветствия подчиненных, и сказал нетерпеливо:

— Наташа, ну что же вы? Одевайтесь быстрее, мы опаздываем!

— Куда? — испугалась я.

— Как куда? — удивился Глеб. — Я в «Пилоте» столик заказал!

Я увидела округлившиеся глаза теток — еще теперь и им объяснять, "давно ли мы с Глебом..." Сказала язвительно:

— Ах, простите, у меня такой склероз... — и начала подчеркнуто неторопливо собираться. Глеб

постукивал ботинком по полу, словно задавая мне темп, но молчал. В отделе царил тишина — комар пролетит — услышишь. Я прошла мимо улыбавшегося во весь рот Букова, показала кулак в ответ на его негромкое: "Вау!", и, проществував мимо Глеба, кивнула ему милостиво:

— Я готова.

— Вижу, — отозвался он без улыбки.

"Пилот" — один из самых дорогих ресторанов в городе. Раньше я здесь ни разу не была, а потому беззастенчиво вертела головой, изучая обстановку. Небольшой зал, тихо переговаривающиеся люди, полумрак, неслышные официанты. Я поспешно уселась за стол, пряча себя, свой костюм и туфли. Мог бы и кабинку заказать. Я посмотрела на изучающего меню Глеба и решила, что так все-таки лучше. Менее интимно, что ли...

Мы ели, пили, глазели (я, во всяком случае,) на окружающих, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Боясь, что мозги расплавятся, я уже перестала думать, зачем он меня сюда притащил, и твердо решила наслаждаться моментом. Ресторан, хорошая еда, симпатичный мужик рядом — чего тебе еще?

— Вам раньше предлагали выйти замуж?

Я оскорблено вскинула голову.

— Еще бы!

— И сколько раз?

— Так... сейчас посчитаем... — я поглядела в потолок. — Ну, начнем с этого... ага, три... еще Валера...

Глеб смотрел, как я загибаю пальцы, и поднимал брови все выше. Под его взглядом я нерешительно подвигала безымянным пальцем. Поколебалась.

— Ну ладно, этого можно не считать... как-то несерьезно...

Мы оба уставились на мои загнутые пальцы.

— Восемь? — спросил Глеб. — Восемь?

Я с затруднением пересчитала пальцы — без калькулятора прямо никуда!

— Ну да, восемь...

Глеб отодвинул чашку, водрузил на стол руки, на руки — подбородок, и пристально уставился на меня. Я заерзала.

— А теперь, — произнес отдельно, как будто разговаривал со слабоумным или плохо слышащим, — скажите мне — неужели среди этих восьми не нашлось хотя бы одного нормального, порядочного мужика, за которого бы вы могли выйти замуж?

Я опасно глядела на него.

— Ну-ну... как-то все... не получалось, что ли...

— То ноги кривые, то шевелюра редкая?

— Нет. Ну, не знаю. Вот у меня подруга есть — та, похоже, с любым может ужиться... подстраивается, что ли... А я...

— А вы?

— А что я?

Глеб взял ложечку, покрутил ее перед глазами. Сказал неспешно:

— Знаете, в чем ваша проблема? Вы не знаете, чего хотите.

— То есть как это не знаю? — оскорблено вскинулась я. — Еще как знаю! Я хочу семью — как у всех.

— Все живут по-разному, — терпеливо напомнил Глеб.

— Ну ладно — хорошую семью.

— И все?

— Что значит — все? Что вы имеете в виду?

— Вы хотите иметь только семью — или еще и любовь?

Я некоторое время тупо смотрела на него. Потом, к своему ужасу, начала краснеть, словно он уличил меня в чем-то неприличном. Хорошо, Глеб продолжал наблюдать за своей ложечкой.

— Мы с вами взрослые люди и прекрасно знаем, что любовь совершенно не гарантирует хорошую крепкую семью. По статистике распад браков, заключенных по любви, не меньше, чем заключенных по расчету. Так что — пока вы не решите, чего вы все-таки ищете, удачи вам не видать. И любой мужик, будь он хоть из чистого золота, вам не подойдет.

Я посидела немо, глядя на его спокойное, даже скучающее лицо, потом очнулась, взъерилась, и, перегнувшись через стол, зашипела:

— Психолог, да? Как это вы здорово меня препарировали — прямо как лягушку! Раз, два — и готово!

— Не раз-два, — Глеб отложил ложку и тоже перегнулся ко мне через стол. Теперь со стороны мы, наверное, напоминали влюбленную парочку или людей, вздумавших играть в «глядделки». — Не раз-два! Я уже давно за вами наблюдаю...

— Ну да, целый год! Очень весело, наверное, анализировать чужие неудачи и чувствовать, какой ты сам умный!

— Если бы я был умный, — сквозь зубы сказал Глеб, — то не сидел бы здесь с вами, а...

— Ну и ладно! — я схватила сумку. — И не надо! И никто вас не просил! Вы же столько времени на меня потратили...

— Сядьте, я еще не все сказал.

— А я все! До свидания, Глеб Анатольевич, было очень приятно с вами побеседовать...

— Сядьте! — гаркнул мой выдержанный шеф. У меня от неожиданности подкосились колени, и я шлепнулась обратно на стул. На нас заоглядывались.

— Ну... — сказала я растерянно. — Чего это вы тут раскричались?

Глеб с силой потер шею. Буркнул, с явным трудом регулируя громкость:

— Да вы святого из себя выведете!

Вздыхнул, блуждая глазами по ресторану. Поглядел на меня — уже спокойно:

— Может, это получилось и беспардонно, но я просто хотел вам помочь. А заодно и себе.

— Себе? А вы-то здесь при чем?

— Ну, знаете... — Глеб развел руками. — Я, понимаете ли, вожу вас по ресторанам, таскаю вам цветы буквально горшками...

— Кактусы, — машинально поправила я.

— Цветущие кактусы, — в свою очередь поправил Глеб. — И вы еще спрашиваете — при чем здесь я? Мне что, еще на голову встать, чтобы вы меня заметили?

Я выдохнула, с опаской глядя на него:

— Глеб. Вы что, хотите сказать, что вы за мной ухаживаете?

Глеб хлопнул себя по коленям. Получилось звонко, и на нас опять оглянулись.

— Ну, наконец-то! — торжествуя объявил он потолку. — Наконец-то ее осенило!

Теперь я принялась сосредоточенно двигать по столу несчастную ложку. Сказала осторожно:

— Глеб.

— А?

— А вам не кажется, что вы это делаете как-то... очень оригинально?

— Очень по-идиотски, хотите вы сказать? Честно говоря, я и сам это знаю. Просто рядом с вами поневоле делаешься полным идиотом...

Я нервно засмеялась:

— Ну да, сумасшествие, говорят, заразно!

Он слегка улыбнулся.

— Не поэтому. Я не договорил — если бы я был умный мужик, мы бы здесь...

— Не сидели? — подхватила я.

— ...а где-нибудь лежали, — обыденно закончил Глеб. Подумал и уточнил. — Желательно, в

моей кровати. Прошлый раз мне очень понравился.

Он и не подумал понизить громкость.

— Глеб! — прошипела я. Мужик за соседним столиком отворачивался, не скрывая усмешки. А тебя не касается, понял!

— Я подумала, что... — пробормотала я. — Потому что Галя...

Глеб смотрел на меня с иронией:

— Вы что, считаете, я в собственной квартире не нашел бы, где провести ночь? Вы, правда, такая наивная или притворяетесь?

— Но я и правда не думала, что... А как это, — я подумала, как лучше сформулировать и помахала в воздухе рукой, — ...ну как это вам в голову пришло...

Глеб сидел, подперев голову руками, и с интересом наблюдал за моими мучениями.

— Ну... в смысле... — я беспомощно уставилась на него и рассердилась. — Вы смеетесь!

Глеб поспешно соорудил серьезную гримасу, но смех в его глазах остался.

— Вы хотели спросить, как мне в голову пришло — что? — в вас влюбиться?

— Я... да.

— Вы знаете, эта мысль как-то так логично в голову не приходит.

— Ну, хорошо, — решительно сказала я. — Мне интересно, где вы околачивались весь этот год?

Глеб хмыкнул.

— Я-то рядом. А вот вы все время были в бегах. Знаете, это, в конце концов, даже обидно. Такое впечатление, что если бы я даже пригласил вас прогуляться до ближайшего загса, вы бы послушно сказали: "Хорошо, Глеб Анатольевич" — и тут же ускользнули на следующее свидание. Радуйтесь, что я еще не начал дергать вас за косички, чтобы обратить на себя внимание.

Я машинально накрутила на палец прядь волос. Какие косички! Последние бы не выпали...

— Ну и что теперь нам делать? — спросила жалобно. Глеб развел руками.

— Ну, у меня была пара-тройка интересных идей. Но вы тут внезапно замуж собрались, а я с замужними женщинами...

— Перестаньте!

Глеб улыбнулся, скрестил руки на груди.

— Решать вам.

Я подумала и осторожно уточнила:

— Вы что-то говорили про загс...

— Я?! — очень удивился Глеб. — Когда?

Я пригорюнилась:

— Вот все вы такие... Как до дела доходит — сразу в кусты!

Глеб сочувственно покивал мне. Оглянулся по сторонам и, чем-то зашуршав, поставил на стол туфли.

— Этого в меню не было, — пробормотала я, машинально беря один в руку, хотя и без того сразу признала. — Вы что, таким образом свою Золушку ищете?

— Ну да, — охотно поддакнул Глеб. — Тридцать седьмой — размер ходовой. Хоть какой-нибудь из моих многочисленных знакомых женщин да подойдет.

— Шанта-аж... — пробормотала я. — Что, и мне тоже можно примерить?

— Вам как раз, я помню.

— Вы их купили?

Глеб почесал бровь.

— Нет, украл! Естественно, купил. Вернулся в тот же день, и купил. Как-то обидно, что такие туфли и такие ноги существуют отдельно.

Он переставил туфли в «профиль», откинулся назад, критически их осматривая.

— Конечно, на обручальное кольцо это мало похоже, — сказал небрежно. — Даже если вставить бриллиант. Но я так давно не делал предложения, что совсем не помню правил. Что там сначала: люблю, целую, выходи за меня?

Я вздохнула и ничего не сказала.

— Наташ?

— М-м?

— По-моему, сейчас должна ваша реплика, — подсказал Глеб.

— Разве?

Глеб торжественно кивнул. Я вновь уставилась на туфли.

— Конечно, Канада — это круто, — вкрадчиво сказал он.

— Какая Канада?

— Вашего... э-э-э... предполагаемого жениха. Но я тоже ничего.

Я, наконец, подняла глаза.

— И даже очень ничего... — сказала тихо.

Глеб кивнул поощряюще.

— Неплохое начало. Продолжайте.

— Что — продолжать?

— Ну скажите мне что-нибудь утешительное. Подсказать? Ну например: вы мне нравитесь, Глеб Анатольевич, я обещаю подумать, Глеб Анатольевич, вы самый лучший кандидат в мужа, Глеб Анатольевич... и я пошлю всех остальных кандидатов к чертовой матери! На черта она тебе сдалась, эта Канада!

— Да, — сказала я, улыбаясь во весь рот.

— Что — да?

— Да. Да. Да. И еще раз — да. На все — да.

— И что мы немедленно едем ко мне — тоже да? — быстро уточнил Глеб.

— Да.

— Ага, — сказал Глеб и начал искать глазами официантку. — Девушка!

Подошедшая официантка и глазом не повела на стоявшие на столе туфли. Лихо насчитала астрономическую сумму, Глеб, не вникая, расплатился и повлек меня к выходу.

— Глеб!

— А?

— Туфли! Мы забыли туфли! — я вернулась, прижала к груди драгоценную обувь. Глеб подхватил меня под локоть.

— Глеб!

— Ну что еще? — свирепо сказал Глеб, посмотрел на меня и сморщился, — Конечно, вы передумали... Ну так же нечестно! В конце концов, вы провели со мной ночь и теперь, как честная женщина, обязаны на мне жениться!

— Женюсь! Но Глеб, вы меня плохо знаете...

— Узнаю.

— У меня куча недостатков.

— А у меня сплошные достоинства.

— Я никак не могу встать утром пораньше...

— Ничего, я разбужу! — уверенно успокоил Глеб, открывая передо мной дверь машины. — Еще есть какие-нибудь препятствия? Признавайтесь сразу.

— Нет.

— Тогда поехали!

На следующее утро мы опоздали оба.

Боюсь, что это войдет у нас в привычку.

mir-knigi.org